

The background of the cover is a stylized illustration of a Venetian square. In the foreground, several people are depicted: a woman in a purple headscarf and white top, a man in a green hat, a woman in a black hood, and a man in a black top hat and coat. In the middle ground, a statue of a man in a dark coat stands on a pedestal. To the right, a man in a light-colored suit and hat stands near a group of pigeons on the ground. The background features a large building with a green dome and classical architectural details. The sky is a clear blue.

ЖОРЖ
СИМЕНОН

Поезд из Венеции

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Жорж Сименон
Поезд из Венеции

«Азбука-Аттикус»

1965, 1940

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Поезд из Венеции / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус», 1965,
1940 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-22553-4

Книги Жоржа Сименона известны всему миру. По количеству переводов он разделяет первые места с Гюго и Жюлем Верном. Мастер детективного сюжета, невероятно плодовитый писатель (более 400 опубликованных произведений!), создатель одного из самых обаятельных сыщиков XX века – комиссара Мегрэ. В настоящее издание вошли два известных детективных романа Сименона. Герой романа «Поезд из Венеции» Жюстин Кальмар возвращается после отпуска из Венеции в Париж. В поезде он знакомится с загадочным попутчиком и соглашается по его просьбе забрать чемодан из камеры хранения на вокзале и отвезти его по некоему адресу. В результате стечения загадочных обстоятельств в его руках оказывается крупная сумма... В романе «Неизвестные в доме» адвокат расследует убийство, произошедшее в его собственном доме, где, как он вскоре узнает, регулярно собиралась странная компания молодых людей.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-22553-4

© Сименон Ж., 1965, 1940
© Азбука-Аттикус, 1965, 1940

Содержание

Поезд из Венеции	7
Часть первая	8
I	8
II	16
III	25
IV	34
Часть вторая	44
I	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Жорж Сименон

Поезд из Венеции

Georges Simenon
Le Train de Venise

© Н. М. Брандис (наследник), перевод, 2022

© Н. М. Жаркова (наследник), перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Понять и не судить (фр.).

Разумеется, они бы предпочли, чтобы кое-чего я не видел. Но главное, я не должен никому рассказывать о том, что вижу.

– Вы расскажете всё?

– А вы?

– Постараюсь. Если не удастся, до конца дней своих буду себя корить.

Люди, которые голодны. 1934

Поезд из Венеции

Перевод Н. Брандис, Э. Шрайбер

Часть первая

I

Почему он думал все время о дочери и образ ее заслонял перед ним все? Это его смутило, но пришло в голову лишь после того, как поезд тронулся в путь. Правда, смущение было мимолетное и, возникнув под стук колес, вскоре исчезло. Кальмара отвлек мелькавший за окном пейзаж.

Но почему все-таки ему вспомнилась Жозе, а не жена или младший сын, ведь они стояли втроем под жгучими лучами солнца!

Может быть, оттого, что фигурка дочери на перроне выглядела особенно нескладной? Жозе минуло двенадцать лет, она была длинная и худенькая, с тонкими руками и ногами. Белокорые волосы, посветлевшие от морской воды и солнца, отливали серебром.

Выходя из пансиона, Доминика спросила Жозе:

– Уж не собираешься ли ты в таком виде провожать отца?

– А что? Столько людей ездят на глассере в купальных костюмах. Ведь пристань прямо у вокзала. Разве потом мы не пойдем сразу купаться?

Доминика была в шортах и в прозрачной полосатой кофточке, купленной в каком-то узком переулке, среди толчеи неподалеку от канала.

Не потому ли Кальмар смутился, что впервые обратил внимание на начинавшую наливать грудь дочери?

Все эти впечатления были неясны, словно мысли его окутал утренний туман, словно перед его глазами стояло море, колышющееся между небом и землей, почти осязаемое, мерцающее и жаркое.

В голове и теле Кальмара еще отдавалась вибрация пароходика, привезшего их из Лидо и то плавно покачивавшегося на длинных ровных волнах, то вдруг вздрагивавшего при приближении встречного судна.

Перед мысленным взором Кальмара вдруг возникла Венеция – ее купола и храмы, дворцы, собор Святого Марка, Большой канал, гондолы и воскресный колокольный звон во всех церквях и часовнях в это раннее, но уже знойное утро.

– Купи мне мороженого, папа!

– В восемь часов утра?!

– А мне? – попросил мальчуган. Его звали Луи, ему недавно исполнилось шесть лет, но так как в раннем детстве он называл соску «биб»¹, за ним сохранилось это прозвище.

Костюм Биба состоял лишь из плавок и клетчатой рубашки навыпуск. На детях были соломенные гондольерские шляпы с плоским дном и широкими полями, украшенные красной лентой у сестры и голубой у брата.

Сказать по правде, Кальмар не любил менять обстановку и поэтому все эти две недели чувствовал себя выбитым из колеи. Но жена захотела провести отпуск в Венеции, а дети, разумеется, горячо поддержали ее.

Кальмар ненавидел также отъезды и проводы. Он стоял перед открытым окном в неубранном купе, потому что это был один-единственный вагон, который шел издалека, из Триеста или откуда-то еще и больше отличался от других вагонов своим чужеземным обликом, цветом и особым запахом.

¹ *Биб* – от французского слова *bibezon* – соска.

Какой-то человек, сидевший почти вплотную к Кальмару, внимательно разглядывал его. Видимо, он ехал издалека и уже сидел в купе, когда вагон прицепили к поезду в Венеции.

Вообще говоря, Кальмар не задумывался на этот счет. Он нетерпеливо поглядывал по сторонам, и у него в памяти невольно запечатлелись залитая солнечным светом платформа, газетный киоск в ее левом углу, люди, стоявшие у вагонов, – они также, как его жена и дети, ожидали отправления поезда и не сводили глаз с друзей и родных.

Все происходило, как обычно: поезд должен был отправиться в 7 часов 54 минуты. В 7 часов 52 минуты проводник начал закрывать двери, а механик прошел вдоль вагонов, постукивая то здесь, то там молотком. Всякий раз, когда Кальмар ехал поездом, ему хотелось узнать, что постукивает этот человек. Но потом он как-то забывал спросить.

Появился начальник вокзала со свистком во рту и сложенным наподобие зонтика красным флажком в руке. Откуда-то вырвалась струя пара, а может, и не пара – ведь поезд вел электровоз. Это, наверно, прочищали тормоза, и поезд вздрагивал, как вздрагивают все поезда.

Наконец раздался свисток. Жозе, лизавшая мороженое, – «джелато», как она теперь говорила, – помахала рукой на прощание. Доминика давала последние напутствия.

– Главное – береги себя. Завтракай, пообедай и ужинай в ресторане, у Этьена.

Ресторан, хорошо знакомый им обоим, находился в двух шагах от дома, на бульваре Батиньоль. Доминика считала, что у Этьена очень чисто и всегда свежая пища.

Взметнулся красный флажок. Начальник вокзала поднял руку – так же как Жозе и подражавший ей Биб.

Поезду пора было уже трогаться. Часы показывали 7 часов 55 минут, но вместо того, чтобы дать сигнал к отправлению, начальник опустил руку и несколько раз отрывисто и повелительно свистнул.

Поезд не тронулся. Провожающие смотрели куда-то вперед. Кальмар выглянул в окно, но ничего не увидел, кроме спин высунувшихся из окон пассажиров.

– Что случилось?

– Не знаю, – ответила Доминика. – Как будто бы ничего.

Она была тоненькая – конечно, не такая тоненькая, как дочь, – и даже в шортах выглядела элегантно. Она не могла загорать, как дети, и кожа ее лишь слегка покраснела от солнца. Темные очки скрывали голубые глаза.

Все взоры были обращены к начальнику вокзала, но тот, казалось, и не думал торопиться. Держа флажок под мышкой, он спокойно смотрел в сторону электровоза и чего-то ждал. И весь вокзал застыл, словно кадр из цветного фильма, отпечатанный в виде фотографии.

Провожающие чувствовали себя нелепо и теребили в руках уже развернутые платки. Застывшие на лицах улыбки напоминали гримасы.

– Кто-то опаздывает, – раздался голос рядом с Кальмаром.

– Не знаю, не видно, чтобы кто-нибудь бежал к поезду.

Мужчина – низкорослый и широкоплечий – бросил газету на диван и встал:

– Разрешите?

На какое-то мгновение его голова и плечи заслонили Кальмара в окне.

– С этими итальянцами вечные истории...

Незнакомец успел разглядеть Доминику и обоих детей. Кальмар снова встал у окна, припугнуто улыбаясь. Он чувствовал, что Жозе и Бибу не терпится окунуться в море, удрать с раскаленного вокзала, прыгнуть в катер, который отвезет их на пляж. На лице у Доминики появилось озабоченное и грустное выражение.

– Главное, береги себя, Жюстен.

– Хорошо, обещаю тебе.

– По-моему, вот сейчас поезд уже отойдет.

Прошло еще не менее двух бесконечных минут, во время которых все не сводили глаз с невозмутимого начальника вокзала.

Наконец из кабинета со стеклянной дверью вышел его помощник и подал знак. Начальник дал свисток, подождал еще несколько секунд и взмахнул флажком. Состав тронулся. Проплыл перрон со стоявшими на нем людьми. Жюстен все больше высовывался из окна по мере того, как удалялась и уменьшалась фигурка дочери и ее красный купальный костюм понемногу сливался с цветовой гаммой вокзала.

Солнце преследовало их, властно врываясь в купе вместе с потоками горячего воздуха. Тяжело дыша, Кальмар опустил голубую занавеску, которая, надувшись, как парус, сначала раза два или три взметнулась вверх и только потом повисла.

Венеция осталась позади.

Со своего места Кальмар мог теперь, сколько душе угодно, изучать своего попутчика, тот скомкал газету и сунул ее под сиденье.

Довольно долго двое мужчин притворялись, что не замечают друг друга, вот только незнакомец не так поспешно отводил взгляд, как Кальмар. Он был уже в годах, лет пятидесяти, а может быть, шестидесяти, с широкими плечами, мощным торсом и резкими чертами лица.

Кальмар успел заметить необычный, похожий на кириллицу шрифт газеты. Русский язык? Или сербский?

Внезапно голубая занавеска снова взметнулась вверх, впуслав палящие солнечные лучи. Незнакомец поднялся и ловко, умелым движением закрепил ее.

– Вы француз? – спросил он, усаживаясь.

– Да.

– Парижанин?

– Да.

– Я уловил, что у вашей жены парижское произношение.

Кальмар не возражал против того, чтобы завязать разговор, но начать всегда трудно. Поезд остановился в Местре – первой станции после Венеции, и в коридоре появились местные жители, разыскивавшие купе второго класса.

– Почему вы уехали один? Какие-нибудь дела?

– Мы все собирались уехать сегодня. Но, как назло, не было ни одного свободного места в скором, который уходит в десять тридцать две. Вот я и решил уехать один, чтобы не заставлять семью проводить ночь в поезде и пересаживаться в Лозанне. А они останутся еще на несколько дней. Детям этого очень хотелось.

Кальмару показалось, что попутчик пристально рассматривает его костюм из летней шелковистой ткани. Впервые в жизни на нем был такой светлый, кремового цвета костюм. Жена настояла, чтобы он купил его на той же узенькой улочке, где она купила себе блузку.

«Кроме тебя, Жюстен, почти никто не ходит здесь в темном».

Кальмар предпочел бы одеться в дорогу иначе. Ни в Венеции, ни в семейном пансионе на Лидо, где они жили, такой костюм не бросался в глаза, но сейчас он чувствовал себя так, словно вырядился на маскарад. Этот наряд не вязался с его внешностью, с его расплывшейся фигурой.

– Хорошо провели отпуск? Дождей не было?

– В общем-то, нет, только раза два или три была гроза.

– Вам нравится итальянская кухня?

– Дети обожают все, кроме моллюсков. Сын их в рот не берет.

– Ну а раз вы отдыхали в частном пансионе, вам подавали их ежедневно.

Кальмар вздрогнул. Как этот незнакомец, видевший его всего несколько минут, догадался, что они жили в семейном пансионе, а не в одном из больших отелей на Лидо?

У него возникло смутное ощущение своей неполноценности, и он еще больше пожалел, что надел этот шелковистый костюм, итальянский покрой которого ему вовсе не шел.

Этот добродушный с виду человек, который сидел напротив, одновременно и раздражал, и интересовал его. Он, несомненно, успел уже заметить, что оба чемодана Кальмара, купленные специально для этой поездки, были отнюдь не первого сорта. Кальмару приходилось слышать, что в модных отелях портье судят о клиентах по их багажу, подобно тому как некоторые мужчины судят о женщинах не по их платьям и мехам, а по обуви.

– Вы занимаетесь коммерцией?

– Нет, я работаю в промышленности, на одном предприятии.

Ну, это уже слишком. Ведь этот человек не имеет никакого права расспрашивать его. Тогда зачем же он, Кальмар, так искренне, даже, можно сказать, подробно отвечает ему.

– Вы разрешите?

Кальмар снял пиджак, он был весь мокрый от пота, несмотря на ветер, поминутно вторгавшийся в купе и грозивший сорвать занавеску. Под мышками у него появились большие влажные полукружья, и он стыдился их, как физического недостатка. На работе Кальмар тоже стеснялся своей потливости, в особенности при машинистках.

– Ваша дочь станет настоящей красавицей.

А ведь незнакомец и видел-то ее всего лишь миг!

– Очень похожа на мать, но только живее...

И в самом деле, Доминике недоставало живости, остроты, того, что называют изюминкой. В тридцать два года она была стройна, миловидна, со светлыми голубыми глазами и грациозной походкой, но в ней всегда чувствовалась какая-то робость, как если бы она боялась привлечь к себе внимание, занять более видное место, чем положено.

– У вашей жены красивое контральто.

Жюстен принужденно улыбнулся. Как этот тип умудрился все заметить? Верно – голос Доминики, бархатистый и низкий, казался неожиданным для такого хрупкого существа и неизменно обращал на себя внимание.

Снова остановка – Падуя, и опять толчея на перроне, казалось, сотни людей брали штурмом поезд; целые семьи, множество детей, матери с младенцами на руках и даже толстая крестьянка с корзинкой, полной цыплят.

Пассажиры врывались через все двери, и видно было, как они, толкая друг друга, пробираются по коридорам в голову поезда, чтобы захватить свободные места.

– Вот увидите, через час по коридору нельзя будет пройти.

– Вам уже случалось ездить этим поездом?

– Не этим, но подобным. Порой просто диву даешься, куда эти итальянцы без конца разъезжают и почему в это надо вкладывать столько пыли. В иные дни кажется, что вся Италия встала на колеса в поисках места, где бы обосноваться.

Он говорил с каким-то акцентом, но Кальмар не мог понять с каким.

– Вы инженер?

Вопрос этот снова заставил Кальмара вздрогнуть. Но на этот раз, по крайней мере, его попутчик ошибся.

– Нет, я ничего общего не имею с техникой. Я работаю в отделе образцов, и мой титул, поскольку каждому из нас выдали титул, – коммерческий директор на заграницу.

– You speak English?²

Кальмар ответил по-английски:

– Я преподавал английский язык в лицее Карно.

– И по-немецки говорите?

– Да.

– А по-итальянски?

² Вы говорите по-английски? (англ.)

– Могу только прочесть меню в ресторане.

На крутом повороте голубая занавеска снова хлопнула и взвилась к потолку, но тут в купе вошел контролер и занялся ею. Провозившись несколько минут и водворив ее на место, он попросил предъявить билеты.

У Кальмара билет представлял собой простой кусочек картона, билет же незнакомца состоял из нескольких сколотых вместе розовых листков. Контролер вырвал один из них и положил к себе в сумку.

Если бы у Кальмара спросили о его впечатлениях от дороги, он не смог бы определить их и, наверное, лишь раздраженно ответил бы, что ему не терпится поскорее приехать домой.

Примерно то же он ответил бы на вопрос о проведенном отпуске.

Кальмар был по горло сыт солнцем, песчаным пляжем, заполненным купающимися, ревом катеров и глиссеров, площадью Святого Марка с ее голубями, где все казалось таким дешевым и где люди покупали бесполезные вещи только потому, что они заграничные. Его изводило все: не прекращавшиеся ни днем ни ночью шум, пение и музыка, детский крик и шаги на лестнице. Ох, как надоело ему за каждым завтраком, обедом и ужином переводить Жозе и Бибу название блюд в меню и пререкаться с ними, какое кушанье им по средствам, не говоря уж о тайном унижении оттого, что комнаты сняты в семейном пансионе, даже без вида на море.

И однако Кальмар знал, что пройдет какое-то время и дни, проведенные на Лидо, покажутся ему самыми яркими и приятными в жизни и он будет сокрушаться, что им не суждено повториться. Так бывало каждый отпуск. Минувший год всегда представлялся ему прекрасным, даже минувшие осень и зима, с их гриппами и детскими болезнями, которые в ту пору так тревожили его. Быть может, он не умел радоваться сегодняшнему дню, а может быть, это свойственно большинству людей? Кальмар сам не мог в этом разобраться, но не решался спросить кого-нибудь, тем более своих коллег по службе, которые несомненно высмеяли бы его.

Вот и сейчас ему было как-то не по себе, и он уже считал часы, оставшиеся до Лозанны, а потом до Парижа. По мере того как шло время, жара становилась все мучительнее. На минуту Кальмар открыл дверь в коридор, но там все окна были опущены и гулял невыносимый сквозняк. В купе снова взвилась оконная занавеска; на этот раз вставленный в нее прут прогнулся и ее не удалось опустить до конца, так что целый сноп солнечных лучей, врываясь в окно, обжигал лицо Кальмара.

Конечно, можно было перейти в другое купе. В вагоне оставалось еще четыре свободных места помимо тех, над которыми висели таблички «занято». Очевидно, пассажиры займут их на ближайших остановках.

Станции следовали друг за другом через каждые двадцать минут: Лоницо, Сан-Бонифацио, Верона... Повсюду та же сутолока, повсюду вагоны брались приступом и люди, как обезумевшие, неслись по коридору. Однако вскоре передвижение прекратилось, так как пассажиры второго класса плотно забили проходы. Чемоданы, стянутые ремнями или перевязанные веревками, корзины, картонки, бесформенные тюки занимали места не меньше, чем люди. Все это громоздилось чуть не до потолка, а на полу сидели ребятишки. Чтобы попасть в туалет, приходилось перешагивать через них и протискиваться между родителями. Еще несколько станций – и добраться до туалета стало невозможно.

Однако никто не пытался завладеть четырьмя свободными местами – мягкими и удобными. Женщины стоя давали младенцам соску или кормили их грудью, поезд трясло, а им даже и в голову не приходило, что они могут сесть. В их глазах не отражалось ни зависти, ни грусти, ни обиды.

– Субботу и воскресенье вы проводите за городом?

– Да, неподалеку от Пуасси. Вы там бывали?

– Кажется, это между Парижем и Мант-ла-Жоли. Верно?

По существу, незнакомец даже не расспрашивал Кальмара, а скорее Кальмар подтверждал его вопросы. Создавалось впечатление, будто ему заранее известно, что тот скажет, и он задает вопросы только для того, чтобы удостовериться в правильности своих предположений.

– У вас машина?

– Да, малолитражка. В Париже она мне необходима, особенно для поездок из конторы на фабрику.

– И вы предпочли ехать поездом? Понятно, шоссе так забиты. Особенно трудно, когда едешь с детьми.

А ведь Кальмар чуть было не поехал в Венецию на машине. Особенно Жозе хотела этого, хотя уже после двадцати километров принималась считать, долго ли еще им ехать.

Он чуть было не согласился. Но Доминика заявила: «В таком случае мы уже ничего не сможем взять. Каждому придется оставить половину того, что нужно».

– У вас свой загородный дом?

На лице попутчика не было и признаков пота, и он в платке не нуждался. Когда поезд останавливался неподалеку от тележки с напитками и съестным – а, как правило, она оказывалась на другом конце платформы, – неизвестный покупал небольшую бутылку содовой «Кампари», и под конец Кальмар решил последовать его примеру.

– В нашем поезде тоже есть разносчик, но до нас он доберется не раньше Милана.

В душе Кальмар сердился на свою податливость. Он подробно отвечал на все вопросы незнакомца, а сам спрашивать ни о чем не осмеливался. Хотя ему любопытно было узнать кое-что.

Например, он заметил, что в сетке над сиденьем его спутника не было никаких вещей. Значит, он сдал свои чемоданы в багаж или, быть может, путешествовал налегке?

Вагон шел из Белграда, через Триест. Под скамьей валялась газета какой-то славянской страны. Почему бы Кальмару не спросить запросто: «Вы едете из Белграда?»

Или же: «Вы из Югославии?»

Маловероятно. У этого человека совершенно не славянский тип, и он одинаково бегло говорил по-французски, по-немецки и по-английски, а с контролером изъяснялся на правильном итальянском языке.

На нем был неважно сшитый, весьма заурядный, темный шерстяной костюм и самый простой галстук, который он и не думал развязать, чтобы расстегнуть ворот рубашки.

Почему же Кальмар робел перед ним, как мальчишка? И почему, когда молчание затягивалось, считал своим долгом возобновить разговор, хотя незнакомец ничуть не тяготился длительными паузами и даже не притворился, что дремлет.

– Моему тестю пришло в голову открыть своеобразный ресторан-ферму при выезде из Пуасси, на холме над Сеной. Это совсем крошечная ферма. И животные там скорее для декорации: две коровы, старая лошадь, коза, три овцы, несколько гусей, уток и кур. Клиенты едят в большой общей комнате с деревянными балками. Им это страшно нравится.

– Вы ездите туда каждое воскресенье?

– Обычно да. Жена очень привязана к родителям, дети обожают животных, и дочка после обеда часами катается верхом.

Кальмар был почти уверен, что за этим последует вопрос: «А что делаете вы?» Он почти всегда целый день валялся одетый в любой свободной комнате.

Еще маленькая станция – Сомма Кампания. Ее проскочили не останавливаясь. Потом миновали Каstellьново-ди-Верона, Пескьера-дель-Гарда, Десендзано, донато...

– Я не смогу задержаться в Лозанне, как собирался, мне надо поспеть к женевскому самолету, а этот поезд приходит тютелька в тютельку...

Ага! В первый раз неизвестный заговорил о себе. Но все же он не объяснил, почему выбрал такой неудобный поезд, который останавливался на всех остановках, и почему путеше-

ствовал без багажа. И вообще непонятно, почему он едет из Белграда или Триеста поездом – ведь оттуда до Женевы столько прямых самолетов.

– Вы работаете на крупном предприятии?

Его спутник снова начал расспрашивать.

– Да, как теперь говорят, на перспективном. Оно возникло из скобяной лавки в Нейи, потом переросло в мастерскую в Нантере, а сейчас у нас фабрика между Дрё и Шартром, и вторая строится в Финистере.

Брешиа. Много пассажиров вышло, вдвое больше вошло. Давка в коридорах увеличилась. Когда приехали в Милан, рубашка у Кальмара была мокрой, хоть выжимай.

– Наверное, я успею... – начал он.

– Не советую выходить из вагона – его сейчас отцепят и присоединят к другому составу.

В самом деле, едва Кальмар успел купить через окно сэндвич и бутылку пива, как крохотный паровозик вывез их вагон с вокзала и оставил на самом солнцепеке, среди расходящихся во все стороны железнодорожных путей.

– Нас скоро снова подвезут к вокзалу.

– Вам приходилось бывать тут?

– Да. Я знаю почти все маршруты на этой линии. В Милане сядут наши попутчики. – Он показал на таблички над свободными местами. – Двое едут в Лозанну, третий – в Геную, четвертый – до Сиона.

Он ни разу не поднялся с места, ни разу не вышел в туалет. Помимо них в вагоне теперь почти никого не было. Остались лишь две американки в соседнем купе, да в последнем купе спал какой-то толстяк. В коридоре уже никто не стоял. Встревоженные американки решили, видимо, что про них забыли, и с несчастным видом поглядывали на железнодорожные пути и далекий вокзал. Жара усилилась.

– Из Лозанны вы, наверное, поедете парижским поездом, который уходит в двадцать тридцать семь?

Опять он угадал совершенно точно. Прямо не человек, а всеведущий Господь Бог.

– Мы прибываем в Лозанну в семнадцать ноль пять. Смею ли я просить вас об одном одолжении? Если только у вас найдется время.

– Я совершенно свободен и просто не знаю, на что употребить эти два часа.

– Вы знакомы с городом?

– Нет.

– И не собираетесь его осматривать?

– Что вы, в такую жару!

– На первой платформе, возле камеры хранения, находится несколько багажных автоматов.

Неизвестный вытащил из кармана ключ:

– Этот ключ от автомата номер сто пятьдесят пять. В нем небольшой, совсем легкий чемоданчик. Право, я боюсь злоупотребить вашей любезностью...

– Сделайте одолжение.

– Я попросил бы вас вынуть оттуда чемоданчик. Для этого надо опустить в отверстие автомата что-то около полутора швейцарских франков. Вот немного мелочи.

Кальмар сделал протестующий жест.

– Обождите! Вообще-то говоря, если поезд простоит подольше, я смогу сделать это и сам. Но вся беда в том, что чемоданчик нужно отнести по адресу.

Он достал красную записную книжку, написал адрес, вырвал листок и протянул вместе с ключом Кальмару.

– Это в пяти минутах езды от вокзала на такси. Разрешите вручить вам швейцарские деньги и на такси.

Толчок – вагон прицепили к поезду и отвезли на другой вокзал. На платформе ожидала толпа пассажиров.

– Заранее благодарю вас.

Прошел официант из вагона-ресторана, раздавая талоны на обед. Незнакомец взял талон первой смены. Кальмар не решился пойти обедать. Сэндвич и пиво давили ему на желудок. К тому же он казался себе таким неопрятным в мокрой от пота рубашке, что решил обойтись бутылочкой содовой «Кампари», купленной с лотка.

Пассажирами до Женевы оказались англичане, с трудом разместившие в сетке спортивные сумки с принадлежностями для игры в гольф. Дама ехала до Брига, и господин, читавший «Трибьюн де Лозанн», очевидно, тоже.

Около часа Кальмар пробыл в купе один: едва раздался звоночек официанта, как все пассажиры отправились в вагон-ресторан.

Поезд шел вдоль берега озера Маджиоре. На маленьких станциях возобновилась давка, и люди снова забили проходы. Сквозь дремоту Кальмар едва расслышал, как кто-то на перроне крикнул:

– Арона!.. Арона!..

Открыв глаза в Стрезе, Кальмар увидел красные крыши и пальмы. Новые станции: Бавено, Вербания Палланца.

В Домодоссоло коридоры наконец опустели. К вагонам устремились носильщики с тележками.

– Ваши паспорта!

Полицейский быстро взглянул на паспорт Кальмара, так же как на паспорта двух англичан и дамы, но долго рассматривал документ незнакомца. Впрочем, во взгляде, которым он его окинул, после того как внимательно изучил фотографию, не было подозрения. Однако прежде, чем поставить печать, полицейский перелистал все страницы паспорта и только потом, не без почтения, протянул его владельцу и приложил руку к козырьку.

Кальмар проспал около часу, пока солнце не подобралось к его лицу. Настроение у него было по-прежнему мрачное, его раздражал горький привкус во рту, и потому он снова приложился к розовому лимонаду, который утром впервые попробовал.

– Таможенный осмотр. Что везете?

На перроне выстроились карабинеры.

– Что в этом чемодане?

– Одежда и белье.

Казалось, уже все в порядке, однако их продержали еще четверть часа, и только потом поезд медленно тронулся к Симплионскому туннелю, темный вход в который уже можно было увидеть, если высунуть голову. Как раз в этот момент Кальмар стоял у окна. Заглись лампы, он скорее почувствовал, чем увидел, как его спутник поднялся с места и вышел в коридор. Когда поезд въехал в туннель, Кальмар снова сел напротив опустевшего места, закрыл окно и стал ждать.

Он не любил туннелей. Когда они ехали в Венецию, этот туннель представлялся Кальмару бесконечным, а дети – те были в восторге. Прошло добрых десять минут, однако человек, сидевший напротив него с восьми часов утра, не возвращался.

Что заставило Кальмара, в свою очередь, подняться и выйти в туалет? Он ожидал увидеть на эмалированной табличке слово «занято», но прочел «свободно» и машинально зашел вымыть руки.

Того человека в купе по-прежнему не было. Не появился он и тогда, когда поезд, вынырнув из мрака в свет, остановился в Бриге и в вагон снова вошли полицейские и таможенники.

– Предъявите паспорта! Что везете?

– Одежду, белье. Я проездом, в Париж.

Полицейский посмотрел на пустое место.

– Здесь не занято?

– Нет, был пассажир. Он вышел из купе, когда начался туннель.

– А где его вещи?

– Вещей у него не было, разве что...

– Что?

– Может быть, он сдал их в багаж?

Полицейский что-то записал себе в книжку.

– Благодарю вас!

Вот и все. Дама вышла. Пассажиры купали шоколад.

Опустевший поезд снова тронулся в путь. Он шел мимо опаловых вод Роны, казавшихся удивительно прохладными.

Еще две станции – без толчеи, без толпы, без шумных прощаний. Остановка в Сионе, за ней в Монтрё, на берегу Лемана.

Незнакомец не появился и по прибытии в Лозанну. Напрасно Кальмар прошел весь состав из одного конца в другой.

II

До сих пор Кальмару, одуревшему от солнца, духоты и бесконечного хлопанья занавески, казалось, что этот день похож на любой другой, проведенный в дороге.

Тогда его внимание ничто особенно не привлекло, и только значительно позднее, разбираясь в ворохе впечатлений, бессвязных мыслей и образов, Кальмар выделил несколько вполне определенных фактов.

Однако после Лозанны он стал воспринимать все иначе и все, что происходило как в нем самом, так и вне его, запечатлелось в мозгу словно со стороны, как некий Жюстен Кальмар, чуть располневший, коротконогий мужчина, с черными, слипшимися от пота волосами остановился в нерешительности с двумя чемоданами на платформе № 5.

С этой минуты он встал перед выбором, перед необходимостью принять ряд решений, которые ему предстояло взвесить, чтобы поступить как надлежит порядочному человеку, ибо Кальмар всю жизнь поступал как порядочный человек, чем даже немного гордился.

В Венеции в предотъездной суматохе, от которой в памяти его сохранился лишь образ дочери в красном купальном костюме со стаканчиком мороженого в руке, он смутно почувствовал, что сидевший рядом с ним человек пристально осматривает его с ног до головы. Кальмар еще заметил тогда, что неизвестный читал газету на каком-то славянском языке.

Исподволь, самыми безобидными вопросами этот человек выудил у него подробные сведения о его жизни, родственниках, работе, которые Кальмар давал ему с такой поразительной готовностью, что даже сам немного растерялся.

Почему незнакомец произвел на него впечатление человека необычного? В его внешности не было ничего примечательного, если не считать его удивительного спокойствия да глаз, которые будто ничего не замечали, а на самом деле видели все.

Кальмар тогда еще подумал: «Этому палец в рот не клади!»

Так же думал он и о своем патроне, бывшем владельце скобяной лавки на авеню Нейн, который стал крупным промышленником. А Кальмар, хотя и не считал себя слабохарактерным, невольно завидовал людям сильным, тем, кто ни в ком не нуждается, не следует общепринятым правилам, не улыбается с готовностью, когда с ним заговаривают, и при любых обстоятельствах остается самим собой, не беспокоясь о том, что думают на этот счет окружающие.

Разве, к примеру, его патрон испытывал потребность считать себя порядочным человеком? Разве его попутчик старался произвести впечатление порядочного человека?

Главное, что волновало Кальмара в связи с этим типом: следует ли сообщить кому-либо о его исчезновении – начальнику вокзала или полицейскому комиссару?

Но ведь Кальмар уже сказал о нем, правда вскользь, полицейскому, проверявшему паспорта в Бриге. Не исключено, что незнакомец, переместившись в какое-нибудь дальнее купе, сошел именно в Бриге и, смешавшись с толпой, вышел из вокзала.

В любом случае – зачем Кальмару вмешиваться в это дело? Да, но ведь незнакомец возложил на него миссию. Но к чему такие громкие слова – простое поручение, которое мог выполнить кто угодно вместо него. У Кальмара в кармане лежал ключ от ящика-автомата, где хранится чемоданчик, несколько мелких монет и десять швейцарских франков на такси.

Наконец он спустился в туннель, где, как и в Бриге, продавали шоколад, потом поднялся на первую платформу. У него было много времени. Сначала он направился в камеру хранения, чтобы сдать свои чемоданы, где ему пришлось простоять несколько минут в очереди.

Автоматы для хранения багажа находились напротив. На каждом был номер. Когда Кальмар отыскал 155-й, выяснилось, что за хранение причитается всего полтора франка.

Кальмар еще ничего не знал и ни о чем не догадывался. Тем не менее в его поведении и в том, что он озирался по сторонам, уже чувствовался какой-то страх, словно он совершал поступок не то что предосудительный, но в какой-то мере сомнительный. А ведь это вовсе не он оставил на хранение чемоданчик.

Прочитав правила, Кальмар узнал, что за сутки хранения взимается тридцать сантимов. Следовательно, чемоданчик был оставлен здесь пять дней тому назад.

При каких обстоятельствах и каким путем ключ попал к неизвестному, который еще накануне вечером находился в Триесте или в Белграде?

Кальмару казалось, что, вставляя ключ в замочную скважину, он становится как бы сообщником незнакомца. Но сообщником в чем?

Он опустил в щель автомата франк, затем пятьдесят сантимов, повернул ключ и, убедившись, что никто не обращает на него внимания, вынул коричневый небольшой чемоданчик, скорее даже не чемоданчик, а портфель, размером примерно сорок на двадцать пять – тридцать сантиметров, толщиной сантиметров пятнадцать.

Несколько минут спустя Кальмар вышел из вокзала и сел в первое подвернувшееся такси. Мимо шагали, словно сошедшие с цветных открыток, рослые парни в шортах, грубых башмаках, подбитых гвоздями, и в маленьких зеленых шапочках. У всех за спиной висели зеленоватые рюкзаки. Острый запах мужского пота ударил Кальмару в нос, будто мимо прошла рота солдат, возвращавшихся с маневров.

Он достал из бумажника листок, который вручил ему попутчик и на который он еще не удосужился взглянуть.

«Арлетта Штауб, улица Бюньон, 24».

– Улица Бюньон, двадцать четыре, пожалуйста. Мне говорили, что это минут пять езды.

– Даже меньше, но не в воскресенье!

Кальмар совсем забыл, что это воскресный день, и лишь сейчас увидел, что все дороги в городе забиты машинами, а панели безлюдны.

Такси двинулось в гору, покружило, снова двинулось в гору, – казалось, вся Лозанна построена на крутых склонах. Кальмар увидел большие здания – кантональная больница. У всех окон, на всех балконах стояли больные и медицинские сестры.

Он и не заметил, как такси замедлило ход.

– Приехали.

Напротив больницы – дома современного типа, все квартиры с балконами. Такси встало перед баром – несколько круглых столиков под светло-зеленым тентом.

– Подождите меня, я на несколько минут.

Шофер промолчал.

Кальмаром владело какое-то странное чувство виновности. Но разве было что-нибудь дурное, запретное в том, что он привез чемоданчик по адресу, нацарапанному незнакомцем на листке записной книжки?

Почему же ему хотелось остаться незамеченным и почему он подумал, не привлек ли внимание людей, сидевших в баре, его кремовый, итальянского покроя костюм?

Кальмар ожидал, что здесь, как и в Париже, вход оберегает привратник. Но вместо привратницкой увидел почтовые ящики, украшенные визитными карточками владельцев или написанными от руки фамилиями. Ящики висели друг над другом в четыре ряда. Очевидно, по количеству этажей. Имя Арлетты Штауб значилось под номером 37 в третьем ряду.

Кальмар вошел в лифт, доставивший его на площадку перед довольно длинным коридором. На всех дверях были визитные карточки или надписи. И в каждой двери – круглый, величиной с пуговицу, стеклянный глазок, позволявший хозяину, не открывая двери, увидеть посетителя. Номер 37 – последняя дверь в конце коридора. Кальмар позвонил и вдруг весь покрылся потом, словно в самое жаркое время лета. Его охватила беспричинная паника, и захотелось как можно скорее покончить со всем этим.

Может, быть, вот сейчас кто-то разглядывает его в стеклянный глазок, вмонтированный в дверь из красного или палисандрового дерева?

Теряя терпение, Кальмар снова позвонил и прислушался. Никто не спешил открыть ему, за дверью царил тишина. Он машинально нажал на ручку.

Дверь подалась без всякого усилия с его стороны. Он шагнул в переднюю.

– Есть тут кто-нибудь? Мадемуазель Штауб дома?

Прямо против входа висел бежевый плащ, налево открытая дверь вела в залитую солнцем гостиную. Дверь на балкон была тоже широко открыта, и ветер вздувал занавеску – совсем как в поезде из Венеции.

– Алло! Есть кто дома?

Он глупо повторил:

– Никого нет?

Ему захотелось поставить чемоданчик на пол, выйти из квартиры, захлопнуть дверь и уехать на вокзал. Он так и собирался поступить, как вдруг возле светло-голубого дивана заметил туфли, две ноги, розовую комбинацию и, наконец, затылок с рыжеватыми локонами. На голубом, более темном, чем диван, ковре, вытянувшись во всю длину, лежала женщина. Одна рука у нее была вытянута вперед, другая, словно вывихнутая, подвернута под туловище.

Кальмар не видел лица женщины, потому что она лежала ничком. Крови он тоже не увидел. Тогда он быстро склонился над женщиной и дотронулся до ее руки:

– Мадемуазель Штауб!

Но мадемуазель Штауб была явно мертва.

Не размышляя, не колеблясь, Кальмар попятился, выскочил из квартиры, захлопнул дверь и, не вызывая лифта, помчался по лестнице. Только внизу он обнаружил, что все еще держит в руке чемоданчик.

У него мелькнула мысль вернуться, но шофер уже заметил его и, высунув руку из машины, открыл дверцу. Какое счастье! Иначе Кальмар мог бы зайти в кафе и заказать что-нибудь спиртное, чтобы прийти в себя.

– На вокзал?

– Да, на вокзал.

Куда угодно, лишь бы убраться отсюда.

Пока машина разворачивалась, Кальмар заметил на одном из балконов облокотившуюся на перила парочку, на другом – ребенка в красном, как и у его дочери, купальном костюме, присевшего на корточки возле ярко раскрашенной игрушечной тележки, а на пятом этаже он

даже разглядел женщину, принимавшую солнечную ванну, – она тоже лежала на животе, как и та...

Ну а как он должен был поступить? Кальмар вспомнил, что в гостиной мадемуазель Штауб стоял телефон. Разве он не обязан был сразу позвонить в полицию? Но ему это и в голову не пришло. Его единственной мыслью было скорее бежать оттуда, и только сейчас он понял, в какое сложное положение попал.

Что бы Кальмар ответил полицейским, если бы те застали его в чужой квартире у трупа незнакомой женщины, в городе, куда он приехал впервые в жизни?

«– Мне поручили передать ей этот чемоданчик...

– Кто?

– Не знаю. Какой-то пожилой человек. Он ехал со мной в одном купе из Венеции.

– Его фамилия? Адрес?

– Не знаю.

– Почему он поручил это вам?

– Потому что он ехал в Женеву, а здесь поезд стоит всего три-четыре минуты.

– Есть ведь и другие поезда.

– Ему надо было попасть на самолет в Куантрене.

– Какой рейс?

– Он мне не сказал.

– Но он доверил вам этот портфель и сообщил, что намерен лететь самолетом?

– Да.

– Значит, сейчас он находится на пути в Женеву?

– Не думаю.

– Почему?

– Потому что после Симплонского туннеля я его больше не видел.

– Вы предполагаете, что он сошел с поезда посреди туннеля?

– Не знаю.

– Но, несмотря на это, вы принесли сюда чемоданчик? Где же он вам его вручил?

– Он дал мне не чемоданчик, а ключ от автомата номер сто пятьдесят пять в багажном отделении. Я запомнил номер. И еще он дал мне разменную монету и десять швейцарских франков на такси».

Все это звучало бы крайне неубедительно. Кальмар представил себе сцену с полицейскими, затем то же самое у полицейского комиссара и в кабинете следователя.

Но ведь он не сделал ничего дурного! По существу, у него даже не было желания оказывать услугу незнакомцу. Тот, можно сказать, принудил его, и этот чемоданчик попал к нему в силу случайного стечения обстоятельств. И не по доброй воле он вошел в дверь Арлетты Штауб, имя которой было ему неизвестно еще несколько минут назад, хотя листок с ее адресом и лежал у него в бумажнике.

Она в самом деле была мертва, рука ее уже окоченела. Кальмар понятия не имел, отчего она умерла, он только знал, что на ней были туфли на высоких каблуках, туго натянутые чулки, бледно-розовая шелковая комбинация и что смерть, по-видимому, наступила в ту минуту, когда женщина одевалась – ей оставалось накинуть лежавшее на диване платье и взять сумочку.

Гостиная была обставлена кокетливо, дорого. Вероятно, в квартире имелась и ванная, и кухня, а может быть, и еще одна комната... Если только диван не превращали на ночь в кровать. Но Кальмар ничего не видел, кроме гостиной, и мог лишь предполагать.

Однако нельзя же было бы на все вопросы отвечать, что он ничего не знает.

– Четыре франка семьдесят.

Кальмар протянул шоферу купюру в десять швейцарских франков и заколебался, не оставить ли портфель в машине. Но это было рискованно. Кто-нибудь мог обнаружить портфель

до отъезда Кальмара в Париж. А найти его по такой примете, как кремовый, помятый после долгой езды в поезде костюм, не представляло труда.

Всего половина седьмого. Там, на Лидо, Доминика и дети уже ушли с пляжа – по вечерам обычно становилось свежо – и, нагруженные купальными халатами, ведерками, лопатками, надутым мячом и большой полотняной сумкой, приближались к пансиону.

– Мамочка, можно нам принять душ завтра? Ты же видишь, мы совсем не грязные.

– Каждый вечер – одна и та же песня! Вы оба в песке с головы до ног.

– Песок ведь не грязь, морская вода все очищает.

– Не спорьте, дети, из-за вас у меня опять разболится голова.

Обычно Доминика взывала к нему:

– Жюстен, уговори их... Хоть бы раз Жозе послушалась меня без пререканий!

На вокзале Кальмар спустился в туалет, намереваясь оставить чемоданчик, но сообразил, что это не пройдет незамеченным. Удрученный, он вновь поднялся на перрон. Ему хотелось сесть на ступеньки лестницы и, подперев голову руками, ждать развития событий.

До поезда оставалось еще два часа – как ему представлялось, два самых опасных часа.

Почему-то Кальмар считал, что в поезде он почувствует себя спокойней, особенно после переезда границы.

Он вошел в привокзальный ресторан. Бара со стойкой там не было, и ему пришлось сесть за столик, чтобы заказать виски. С ним это случалось редко, он почти никогда не пил, разве что немного виноградного вина за едой. Даже содовую «Кампари» он попробовал только благодаря своему попугайчику, и она так ему понравилась, что он выпил потом бутылочек пять или шесть в течение дня.

«Я порядочный человек!» Он всегда был порядочным человеком. Всегда старался поступать как положено. Он часто жертвовал собой для других, как, например, только что – провел отпуск на пляже, который возненавидел с первого дня.

Номера в пансионе были тесные, без удобств, иногда приходилось по полчаса ждать, когда освободится душевая в конце коридора. Дети требовали, чтобы не закрывали дверь в их комнату, так что за целые две недели им с женой удалось урвать лишь несколько минут близости, да и то Доминика непрестанно шептала: «Тише!» или «Подожди!».

Так неужели он заслужил такую кару – за что должен он терзаться раскаянием, как преступник, да и вести себя, как преступник?

Почему его спутник, имени которого он так и не узнал, исчез на перегоне между Домодоссолой и Бригом, где-то в нескончаемом Симплонском туннеле? Судя по его настроению во время поездки, он совсем не походил на человека, собиравшегося покончить с собой. И тем не менее под предлогом, что он торопится на самолет (теперь Кальмар все больше убеждался, что это был только предлог), он дал Кальмару, которого видел впервые, судя по всему, важное поручение.

Что там такое в этом чемоданчике, который стоял сейчас на стуле рядом с ним?

Но если неизвестный не покончил с собой, то почему и каким образом он исчез? Может, кто-то столкнул его с поезда, когда он входил или выходил из уборной?

Такое предположение казалось более правдоподобным – что-то не верилось, чтобы незнакомец скрылся на вокзале в Бриге, смешавшись с толпой. Бриг – пограничная станция, и там проверяют паспорта всех пассажиров как в поезде, так и при выходе в город.

– Мадемуазель!

Он щелкнул пальцами, чтобы привлечь внимание официантки.

– То же самое, пожалуйста!

– Еще раз виски?

А если во французской таможне его попросят – что весьма вероятно – открыть чемоданчик, от которого у него нет ключа?

«Простите, господа... Я потерял ключ в дороге».

Чемоданчик был внушительный, из настоящей кожи, а не из какого-нибудь заменителя. В чем в чем, а в этом Кальмар разбирался, так как почти десять лет имел дело с синтетикой.

Заметно было, правда, что чемоданчик изрядно поношен. Должно быть, его немало таскали по залам ожидания вокзалов, аэропортов, по разным учреждениям. Но замки превосходного качества, это не дешевые замки, которые легко открыть перочинным ножом.

«Господи, пронеси...»

Он не верил в Бога, точнее, давно перестал верить, но, видимо, в глубине души сохранил искорку веры, вспыхнувшую в трудных обстоятельствах. Два года назад, когда Жозе должны были срочно оперировать по поводу острого аппендицита, он тоже шептал: «Господи, пронеси...»

Он даже дал какой-то обет, но, конечно, не помнил какой, поскольку не выполнил его. Что подумают дочь и жена, если узнают, что он задержан в Лозанне по подозрению в убийстве молодой женщины у нее на квартире? А господин Мандлен? А его друг чертежник Боб и все сослуживцы?

– Я вот думаю, мадемуазель, не перекусить ли мне перед дорогой? В парижском поезде есть вагон-ресторан?

– В поезде двадцать тридцать семь? Боюсь, что нет. Могу вам предложить филе из окуня, цыпленка в сметане, пирог со сморчками.

Кальмар не был голоден, но заказал пирог со сморчками, потому что ему понравилось название и потому что в доме редко ели сморчки.

– Какое вино? Местное или «Божоле»?

– «Божоле».

Ему было безразлично, все безразлично – мысли его были поглощены этим чемоданчиком, который словно прилип к нему, да кремовым костюмом, что был на нем. Как назло, Кальмар надел его сегодня по настоянию жены, и костюм этот привлекал к нему такое же внимание, как если бы он шел с флагом.

«Господи, пронеси...»

В купе оказалось пять человек, в том числе один священник. Кальмару пришлось сидеть между дамой лет шестидесяти, которая все время отодвигалась от него, словно ее шокировало его прикосновение, и стариком с розеткой Почетного легиона, читавшим «Фигаро». После переезда границы старик уснул безмятежным сном, как в собственной постели.

У священника, сидевшего напротив, были черные башмаки с широкими серебряными пряжками. Муж пожилой дамы – щуплый, нервный человек раз десять выходил в туалет и всякий раз извинялся, протискиваясь между коленями пассажиров.

– Ты принял таблетки?

– Да. Еще в Лозанне, сразу после обеда.

– Две?

– Ну да.

– И все равно плохо с желудком?

Муж смущенно поглядывал на присутствующих, надеясь, что они не слышат слов его супруги.

– Не надо было есть телячий язык. Ты же знаешь, что тебе это вредно.

В другом углу купе молодая девушка, высокая и стройная, сидела, простодушно обнажив ноги выше колен. У нее были рыжеватые волосы, как у Арлетты Штауб, и всякий раз, когда Кальмар невольно замечал полоску тела над чулком, ему вспоминалось тело, распростертое на голубом ковре на улице Бюньон.

Но самое любопытное, если бы Кальмар встретил Арлетту где-нибудь, например в этом поезде, он бы ее не узнал, тем не менее ему необходимо было быть в курсе всего, что с ней связано. О ее смерти французские газеты едва ли сообщат, если только это не сенсационное убийство. Здешняя же газета, кажется, называется «Газетт де Лозанн». Кальмар вспомнил, как кто-то говорил ему, что в киоске на площади Оперы, напротив «Кафе де ла Пэ», продаются газеты всех стран, и решил завтра же купить там швейцарскую газету.

Будет ли там сообщение о случившемся? Интересно, сейчас уже обнаружили труп? Если молодая женщина жила одна, если у нее не было прислуги, то может пройти несколько дней, прежде чем ее хватятся, – особенно теперь, в период отпусков.

Кальмару не следовало пить виски и есть сморчки. Он чувствовал себя не лучше мужа своей соседки и, если бы у него хватило духу, вышел бы в туалет и попытался вызвать рвоту. По мере приближения к границе недомогание его возрастало. Еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким одиноким, а это чувство Кальмар терпеть не мог.

Однако, если бы он ехал в купе один, то, наверное, страдал бы меньше, но их было шестеро, и они разглядывали друг друга, не вступая друг с другом в контакт. Кальмару казалось, что во всех этих взглядах, обращенных не только на него, но и на остальных пассажиров, сквозило подозрение или осуждение.

Даже у соседки слева и у ее мужа. Женщина злилась, что муж съел что-то такое, чего не следовало, и что он беспокоил всех в купе каждый раз, когда выходил в коридор. А тот сердился на жену за ее бестактность и попреки.

Кальмар всегда чувствовал себя неловко в толпе, и покупка машины явилась для него большим облегчением – не потому, что он перестал быть объектом взглядов, которыми люди окидывают попутчиков в метро или в автобусе.

Конечно, он никогда не признался бы Доминике, что женился на ней прежде всего для того, чтобы не быть одиноким. Конечно, он любил ее. Она понравилась ему в первый же день знакомства. Но не встретить Кальмар Доминику, он женился бы на другой.

И сейчас – подобно тому как его соседка сердилась на мужа – он сердился на Доминику за то, что она заставила его жить среди этой толпы на Лидо, в семейном пансионе, все обитатели которого сталкивались в столовой и разглядывали друг друга, как в вагоне-ресторане. Более того: он бессознательно злился на Доминику за то, что она тоже иногда смотрела на него так, будто думала: «Что же это, в сущности, за человек? Он мой муж. Я живу с ним тринадцать лет. Мы спим в одной постели, наши тела сроднились. Но когда он, возвращаясь с работы, целует меня, о чем он думает? Что он делал целый день? Что случится, если я умру? Как он в действительности относится к детям?»

Поезд прибыл в Валлорб, и снова – привычные слова и жесты таможенников и полицейских.

– Приготовьте, пожалуйста, паспорта...

Кальмар, словно преступник, ожидал, что сейчас его паспорт начнут рассматривать, но ему вернули документ после одного беглого взгляда.

– Господа пассажиры везут что-нибудь недозволенное?

Даже у священника изменился взгляд и, как у всех остальных, на лице появилось делано невинное выражение.

– Ничего недозволенного у меня нет.

– Что в этом чемодане?

– Белье, несколько предметов благочестия, которые я везу из Рима для прихожан.

– Золота, драгоценностей, часов нет? Шоколада, сигар, сигарет?

Мужа соседки Кальмара попросили открыть чемодан. Ему пришлось встать на скамью, чтобы снять его. Таможенник пошарил рукой под одеждой и бельем.

– Что у вас в чемоданчике?

– Деловые бумаги... – отчетливо произнес Кальмар с непринужденностью, поразившей его самого.

– А это ваш чемодан?

– Да.

– Откройте его!

Уф! В чемодане не было ничего запретного. Таможенник отпустил Кальмара с миром и перешел в соседнее купе, не оштрафовав никого из его попутчиков. Но в других купе, очевидно, совесть не у всех оказалась чиста; какую-то чету, нагруженную чемоданами, отвели в таможную, и по походке женщины на высоких каблуках видно было, как она волнуется.

Поезд отправился дальше. В его составе были комфортабельные спальные вагоны и вагоны с мягкими сидячими местами, куда Кальмар не позаботился заранее взять билет, и наконец жесткие вагоны, подобные тому, в котором он сейчас ехал и где, как только зажгли ночник, все пассажиры постарались уснуть. Похрапывал – да и то слегка – один лишь старик, а молодая девушка, что сидела напротив, скорчилась в своем углу, еще больше обнажив ноги.

Кальмар покачивался в такт движения поезда и старался ни о чем не думать. Но едва он начинал засыпать, как вспоминалась какая-нибудь подробность пережитого дня. И мозг снова начинал лихорадочно работать.

Почему еще в Венеции неизвестный выбрал именно его?

Что за чушь! Все он не выбирал его – просто никого другого в купе не было. Тем не менее неизвестный устроил Кальмару нечто вроде экзамена. Все его вопросы преследовали определенную цель. Он хотел выяснить, с каким человеком имеет дело. И несомненно, тотчас же определил – перед ним человек порядочный, вернее, порядочный болван, которому можно дать такое поручение. Иначе незнакомец пересел бы в другое купе и обратился бы с просьбой к кому-то другому.

Что же касается его исчезновения, Кальмар сначала решил, что его похитили, – но разве возможно похитить человека из поезда, да еще в Симплонском туннеле?

Итак, это было преднамеренное исчезновение или самоубийство. В обоих случаях незнакомец поступил нечестно по отношению к Кальмару.

Правда, он не знал о смерти Арлетты Штауб, иначе он не старался бы так доставить ей чемоданчик, в котором она больше не нуждалась.

Но имел ли Кальмар право так строго осуждать своего спутника? Ведь если бы не смерть молодой женщины, роль его, Кальмара, свелась бы к простой и безопасной роли посыльного.

И все же как объяснить то, что чемоданчик был положен в хранилище всего пять дней назад? Ведь незнакомец ехал не из Венеции, а из Триеста или Белграда, а может быть, даже из более отдаленных мест. Каким же образом ключ оказался у него?

Переслали ли ему этот ключ бандеролью? Или же он сам оставил чемоданчик на хранение до своей поездки?

Но почему? Для чего? Почему этот человек поступил так, а не иначе и при чем здесь он, Кальмар?

Наконец Кальмар задремал – он слышал сквозь сон крики: «Дижон», хлопанье дверей, распоряжения железнодорожников. А когда проснулся, было уже светло. Священник пристально смотрел на него, и, когда их взгляды встретились, смущенно отвел глаза, словно, воспользовавшись сном незнакомца, подверг его допросу или исповеди.

Что за глупости! Не хватало еще морочить себе голову такими мыслями! Кальмар поднялся, вынул из чемодана бритву и добрых четверть часа провел в туалете, а потом встал в коридоре, пытаясь установить, где они едут. Вскоре он понял, что едут они вдоль Сены и приближаются к Мелену. Тогда он решил пойти в вагон-ресторан, но, пройдя несколько вагонов, убедился, что ресторана в поезде нет.

Наконец в половине седьмого утра они прибыли на Лионский вокзал. Кальмар быстро прошел вдоль всего состава – их вагон оказался в хвосте – и, проходя мимо газетного киоска, полюбопытствовал:

- Вы получаете «Трибьюн де Лозанн»?
- Да, месье, и «Трибьюн» и «Газетт де Лозанн».
- Утреннего выпуска еще нет?
- Утреннюю газету за понедельник мы получим только в половине первого.
- А в городе ее можно достать?
- Да, в киосках на Елисейских Полях и на площади Оперы.
- Благодарю вас!

Им владело одно желание, неотступное, как навязчивая идея, как бред: поскорее целым и невредимым добраться домой.

Он подозвал такси:

- Улица Лежандр... Я скажу, где остановиться.

Однако сначала он вышел у бара, потому что у него не оказалось сигарет и к тому же ему захотелось выпить кофе. Машинально Кальмар съел два рогалика: несмотря на все его заботы, он получил от еды удовольствие – ведь это были настоящие французские рогалики.

- Еще чашку кофе, пожалуйста!

Наконец, его дом. А вот и привратница, значит, не избежать расспросов.

– Как себя чувствует мадам Кальмар? А детки? Наверное, эти ангелочки глядят не наглядятся на все чудеса Венеции.

Привратница протянула какие-то рекламы и счета, доставленные уже после того, как она перестала пересылать ему почту.

– Дом совсем пустой, уже двадцатое августа, а почти никто не вернулся, даже торговцы. Вы и не представляете себе, в какую даль приходится бегать за мясом!

Добрый старый лифт, немного тряский, с таким привычным и неопределенным запахом. И лестница, устланная коричневой дорожкой. Коричневая дверь с медной, слегка потускневшей за время отсутствия Доминики кнопкой звонка.

Вначале домашняя обстановка разочаровала Кальмара. Все было погружено во мрак. Он не сразу сообразил, что задернуты шторы, и поспешил раздвинуть их повсюду, даже в детской. Проходя мимо холодильника, вспомнил, что надо его включить, и лишь потом вернулся в столовую, где оставил на столе чемоданчик.

Неужели он решится открыть его? Взломать замки?

Теоретически у Кальмара не было на это права, поскольку ни чемоданчик, ни его содержимое ему не принадлежали, но после всего случившегося просто необходимо узнать, что там лежит. Он хитрил сам с собой, прекрасно понимая, что движет им не долг, а простое любопытство, желание разгадать тайну, и зачем себе отказывать? В конце концов, из-за этого проклятого чемоданчика он чувствовал себя как преступник. А ведь его содержимое могло дать объяснение всему.

У Кальмара тоже был портфель, запиравшийся на ключ. Он носил в нем деловые бумаги. Вспомнив об этом, Кальмар пошел в спальню за ключами, которые лежали в одном из ящиков. По дороге взгляд его упал на остановившийся будильник. Он довольно долго заводил его, желая оттянуть исполнение своего намерения. Потом завел часы на мраморном камине в гостиной. Конечно, ключ от его портфеля не подошел к замку и сразу же погнулся. Не удивительно – дешевка.

Кальмар пошел на кухню, где у них стоял ящик с инструментами, какие имеются в каждом доме, – молоток, отвертка, клещи, щипцы лежали там вместе с пробочником и различными консервными ножами.

Кальмар дал себе последнюю отсрочку – пошел запереть входную дверь, словно уже чувствовал себя глубоко виноватым. Наконец, скинув пиджак и развязав галстук, он попытался взломать замки – сначала кусачками, потом клещами, но это удалось ему сделать лишь отверткой.

Два металлических языка щелкнули и отскочили. Крышка приподнялась. Он откинул ее и обнаружил аккуратно сложенные, как у кассира или инкассатора, пачки банковых билетов.

Французских франков там не было: главным образом – стодолларовые купюры, сложенные пачками по сто штук (как он определил с первого взгляда), купюры в пятьдесят фунтов стерлингов, а также менее толстые пачки швейцарских франков.

Первым его побуждением было взглянуть на дом через улицу: в квартире напротив какая-то женщина занималась уборкой в своей спальне и ни разу даже не обернулась в его сторону.

– Нет, не сейчас, – прошептал он.

Только не теперь. Ему надо прийти в себя, собраться с мыслями. Он устал, взвинчен после целого дня и ночи, проведенных в поезде... Выбит из колеи... Сначала надо восстановить душевное равновесие.

Кальмар взял чемоданчик со стола и, прикрыв крышку, сунул его под комод в своей комнате, затем наполнил ванну водой и разделся.

Никогда еще Кальмар так остро не ощущал своей наготы и своего одиночества.

III

– Когда вернешься в Париж, позаботься о том, чтобы отдать в чистку костюм. Только не клади его в бельевую корзину, а то мадам Леонар еще отнесет его в прачечную. Боюсь я этих новых тканей – они часто садятся. Лучше сам отнеси в чистку на улицу Дам.

Всего два раза Кальмар оставался один в квартире на улице Лежандр – это было, когда Доминика рожала в клинике. Нет, три раза – однажды она провела несколько дней в Гавре у своей сестры.

Неужели только для того, чтобы поступить наперекор звучащему в его ушах голосу, он засунул кремовый костюм в корзину для грязного белья?

– Ты очень устанешь с дороги, дорогой. Раз ты пойдешь на работу после полудня, постарайся лечь и поспать. Пусть твои вещи распакует мадам Леонар.

Мадам Леонар, приходившая к ним два раза в неделю во второй половине дня, была маленькой, сухонькой женщиной, но с таким большим, монументальным задом, что казалось, она вечно устремлена вперед. Муж мадам Леонар был человек больной, и она ухаживала за ним вот уже двадцать лет. С утра до вечера убирала она квартиры, а по ночам нередко обряжала покойников из своего квартала.

Она жила где-то на соседней улице, под самой крышей, почти ни с кем не общалась и только цедила сквозь зубы:

– Все богачи одинаковы.

Мадам Леонар считала богачами всех, кого ей приходилось обслуживать, – и мелких торговцев, и даже привратницу.

Сидя в ванне, Кальмар подумал о ней и подивился, как может мадам Леонар жить так и не впасть в отчаяние. Однако в Париже существуют тысячи, десятки тысяч таких, как она, а есть и еще более несчастные – те, что с трудом передвигаются по квартире или прикованы к постели и всецело зависят от соседей или сиделки из благотворительного общества.

А у него под комодом лежало целое состояние. Он не знал, сколько там денег, и пока еще не хотел знать.

– Постарайся лечь и поспать... – сказала ему Доминика.

Кальмар старался изо всех сил, он и в самом деле очень устал. Он надел пижаму, точно был не один в квартире, и лег, предварительно задернув занавески. Но чемоданчик стоял у него перед глазами, и в мозгу возникали бесчисленные смутные вопросы: после суток, проведенных в поезде, ванна притупила остроту его мыслей.

Может быть, незнакомец был международным вором и поручил это дело Кальмару, чтобы не подвергать себя риску и не попасться с чемоданчиком в руках?

В таком случае зачем убили Арлетту Штауб? Кстати, у него в кармане еще лежит листок с ее адресом. Это опасно. А вдруг записка случайно выпадет у него из бумажника где-нибудь на работе? И ведь к тому времени фамилия и имя жертвы уже могут быть опубликованы в газетах...

Кальмар встал с кровати, подошел к комоду, где лежало все, что он вынул из карманов, и разорвал записку. Он хотел было выбросить клочки бумаги в корзину для мусора, но вспомнил, что мадам Леонар после полудня остается одна в квартире, и кто ей помешает из любопытства собрать обрывки и прочесть адрес?

Внезапно Кальмаром овладела поистине маниакальная осторожность. Он сжег записку в пепельнице, выбросил пепел в унитаз и спустил воду.

Когда он снова лег, сонливость его уже как рукой сняло. Он даже не пытался закрыть глаза. А если деньги фальшивые? Кальмар ясно представил себе незнакомца главарем шайки фальшивомонетчиков. Все возможно. Тайная торговля оружием? Шпионаж?

Сколько же денег в чемоданчике? Он дал зарок, как бы для испытания своей выдержки, пересчитать их позднее, ближе к полудню, отдохнув часа два-три. Тем не менее он снова встал и, не раздвигая занавесей, чтобы его не увидела женщина из квартиры напротив, сел перед туалетом Доминики.

Доллары лежали пачками по сто купюр, и в каждой такой пачке (тоньше записной книжки) было десять тысяч долларов.

Двадцать пачек! Двести тысяч долларов новенькими на вид банкнотами! Да, кроме того, еще пятьдесят пачек английских банкнотов по двадцать купюр, то есть пятьдесят тысяч фунтов.

Кальмар поднялся, взял бумагу и карандаш и прикинул, сколько же всего денег в портфеле. Одних долларов там оказалось примерно на миллион новых франков. Все завертелось у него перед глазами, тело покрылось испариной, руки задрожали.

Целый миллион! Потом семьсот тысяч франков в английских фунтах! Да еще отдельные купюры на дне чемоданчика, не сложенные в пачки и не перетянутые резинкой. Двадцать тысяч немецких марок и десять широких плотных купюр, каждая достоинством в тысячу швейцарских франков.

«Господин комиссар, я принес вам чемоданчик, который... который... какой-то неизвестный вручил мне в поезде, шедшем из Венеции, ключ и попросил... Он написал адрес на клочке бумаги... Я его только что сжег... Почему? Из-за мадам Леонар, нашей служанки... Нет, нет! Я и не собирался присваивать себе эти деньги... И если я взломал замок...»

Ерунда! Ни один здравомыслящий человек не поверит этому бреду.

«Я поехал на такси по указанному адресу – на улицу Бюньон, к некой Арлетте Штауб... Позвонил... Никто не отозвался, тогда я машинально повернул ручку двери, и она открылась... Молодая женщина была мертва... По-видимому, убита... Но крови я не заметил... Возможно, ее удушили... Сейчас лозаннская полиция, конечно, уже в курсе дела».

Тут Кальмар подумал, что надо бы спрятать чемоданчик, во всяком случае, его содержимое, и еще больше разволновался. Ну, чемоданчик-то он куда-нибудь выбросит, как только стемнеет, например в Сену. А пока можно положить его в комод, который запирается.

Заметит ли мадам Леонар, что комод заперт на ключ? Ведь придется запереть все три ящика, а этого никогда раньше не делали.

Только тут он осознал, что в квартире никогда ничего не запиралось и в ней нет даже уголка, где можно что-нибудь спрятать.

Его жена, дети, мадам Леонар, свояченицы или теща могли, придя к ним, открыть любой ящик комода, шифоньер или стенной шкаф.

Итак, в субботу жена и дети вернутся домой. А он до сих пор еще ничего не решил. Если он и думал о тайнике, то вовсе не потому, что собирался оставить у себя эти деньги. Во всяком случае, оставить не навсегда. Но сейчас необходимо их спрятать, пока он не примет окончательного решения.

Как был в пижаме, Кальмар медленно обошел все комнаты. Сначала свою супружескую спальню, обставленную сообразно возможностям людей среднего достатка современной мебели, довольно приличной, но до крайности стандартной. Наверняка в тысячах квартир существовали такие комнаты. Но для них была достижением уже эта спальня. После свадьбы они жили в двухкомнатной квартире в старом доме на бульваре Батиньоль и мебель покупали только подержанную, вроде, например, высокой кровати из орехового дерева, какая стояла в комнате его родителей.

А теперь у них была низкая кровать, и Кальмар долго не мог к ней привыкнуть, так же как к хрупкому изяществу комода, двух кресел, обитых оранжевым бархатом, стола и туалета.

Квартира раньше принадлежала родителям жены и перешла к ним, когда Луи Лаво, отец Доминики, работавший метрдотелем в «Вейлере» на площади Клиши, ушел на пенсию и основал собственное дело в Пуасси.

Во времена Лаво квартира выглядела мрачной. Гостиная, выдержанная, как и спальня, в современном стиле, была тогда оклеена красновато-коричневыми обоями под кордовскую кожу.

– Делайте что хотите, дети мои, поскольку теперь это ваш дом, но сейчас вы вряд ли найдете такие обои. Их можно мыть, не жалея воды, они нигде не отстанут. Сколько раз ты их мыла, Жозефина?

В ту пору и мебель здесь была тяжелая, из мореного дуба. Вокруг обеденного стола стояли стулья, обтянутые тисненой кожей.

Совсем как в Жиене, у родителей Кальмара. Только там почти никогда не накрывали в столовой, а ели в кухне, позади лавки.

Нет, он не вор и не намерен пользоваться этими деньгами, хотя они вроде бы и не принадлежали теперь никому.

Ну, хорошо. Допустим, он опишет полиции незнакомца. Допустим, что того найдут живым. Но разве тем самым он не предаст доверившегося ему человека?

А доверился он Кальмару не случайно, не потому, что они были соседями по купе. Незнакомец долго за ним наблюдал, задавал ему подробные вопросы и уже в Милане знал о нем почти все.

Когда Кальмар учился в местной начальной школе, а потом в лицее, товарищи называли его Червяк – не только потому, что он был самым толстым, но еще и потому, что отец его торговал рыболовными снастями на набережной Лемуар, недалеко от Старого моста через Луару.

Дом их был узкий, вытянутый в высоту, с узорчатым коньком на крыше. Лавка была тоже узкой, заставленной удилищами из тростника и бамбука, стеклянными витринами с поплавками всех цветов и размеров, шелковыми лесками, конским волосом, мотками кетгута, свинцовыми грузилами... Сотни, а может быть, и тысячи различных принадлежностей для рыбной ловли, в которых разбирался только отец.

Помимо этого, отец торговал наживкой: личинками, червями и мошками, а по воскресеньям он еще наполнял садок пескарями для ловли шук. Отец Кальмара в противоположность сыну был высокий и тощий, к тому же белокурый, со светлыми отвислыми усами. Жюстен придумал ему прозвище, о котором никогда никому не говорил. Он прозвал отца Хилым Галлом,

потому что у того было бледное, веснушчатое лицо и он выглядел всегда таким изможденным, что казалось, его длинное туловище скоро согнется до земли. Отец умер молодым, в 42 года, от чахотки. Мать говорила – от воспаления легких, но на самом деле это был туберкулез.

Вдова продолжила дело мужа. Она справлялась в лавке одна, а мальчишка по имени Оскар субботними вечерами по-прежнему ловил для нее неводом рыбешку да поддерживал в глубине садика «фабрику по производству червей». Но соседи стали жаловаться, так что пришлось буквыми ветками замаскировать шест, на который насаживали баранью голову, регулярно поставляемую из соседней мясной лавки. Через несколько дней там заводились черви, которые затем падали в сито с опилками.

Червей продавали ложками. Кальмар помнил, что, когда он был маленьким, столовая ложка стоила двадцать пять сантимов.

Но почему он вспомнил об этом, тщетно ища, куда бы спрятать деньги? Однако такого места в квартире не оказалось. Вот, скажем, раньше, вскоре после их женитьбы, тут стоял огромный зеркальный шкаф, на который можно было положить что угодно – и никто бы не увидел.

В конце концов Кальмар взял свой портфель, где лежали различные рекламы, вытряхнул из него содержимое и засунул туда пачки денег. Себе он оставил только одну столларовую бумажку, чтобы проверить, не фальшивая ли она. Такая проверка представлялась Кальмару необходимой. Никогда у него не было и никогда не будет воровских замашек! Но ведь обязан же он узнать, настоящие это деньги или фальшивые, хотя бы для того, чтобы решить, как быть дальше.

– Очень прошу тебя, Жюстен, пообедай у Этьена.

Какая-то мания или, если угодно, привычка, присущая, очевидно, многим женам.

Когда Кальмар служил скромным репетитором в лицее Карно и деньги у них водились редко, случалось, он время от времени баловал себя хорошим обедом в ресторане на бульваре Батиньоль – старомодном ресторане, с зеркалами на стенах, высокой конторкой для кассирши и металлическими кольцами для салфеток. Мадам Этьен сама сидела за кассой, а месье Этьен, отличавшийся огромным красным носом, ходил от столика к столику, советуя попробовать рыбу по-нормандски, или рагу из гуся, или утку с бобами.

Они довольно часто столовались у Этьена, когда Доминика была в положении, и несколько раз праздновали там годовщину своей свадьбы.

Жена и теперь считает, что вкусно и хорошо поесть можно только у Этьена.

Так вот, сегодня он не пойдет завтракать к Этьену, у него другие дела и заботы. Если можно считать это просто заботами.

Раздвинув занавески, Кальмар оделся. Наудачу включил радио, но услышал лишь песни, а затем «Новости дня».

«Количество специальных поездов, пущенных на субботу и воскресенье, побило все рекорды. Это объясняется тем, что большинство людей, возвращающихся из отпуска, решило прихватить для отдыха и 15 августа, являющееся нерабочим днем».

Вряд ли радиостанция «Европа-1» или «Радио Люксембург» сообщит о молодой женщине, найденной мертвой в Лозанне у себя на квартире, если, конечно, это убийство не имеет международного значения. А прийти к такому выводу почти невозможно, если не знать о существовании чемоданчика.

В киоске на вокзале Кальмару сказали, что лозаннские газеты поступают между двенадцатью и половиной первого.

Зная о любопытстве мадам Леонар, Кальмар не мог оставить в квартире чемоданчик с двумя взломанными замками. Он решил унести его и тутшний раз убедился, как трудно иногда бывает осуществить самые простые на первый взгляд намерения: в доме не нашлось

оберточной бумаги. В одном из ящиков валялись обрывки веревок, различные инструменты, консервные ножи, но нигде не было плотной коричневой бумаги для упаковки.

После их отъезда мадам Леонар произвела генеральную уборку, и в квартире не осталось даже старых газет.

Тут Кальмар вспомнил, что ящики комода устланы голубой бумагой. Он вытащил один лист, решив, что успеет заменить его до возвращения жены. Конечно, подмененный лист окажется свежее остальных и Доминика непременно это заметит: «Смотри-ка, ты переменял бумагу во втором ящике!»

Там лежали его рубашки и белье. Что он ей скажет на это?

«Я нечаянно пролил...»

Что пролил? Ведь никто не пьет кофе или вино, когда вынимает из ящика рубашку.

«Я уронил туда сигарету и...»

Ничего, что-нибудь он придумает. Если уже сейчас терзаться из-за подобных мелочей, тут и голову потерять недолго.

Кальмар наспех завернул чемоданчик в бумагу, а свой портфель запер на ключ и положил в шкаф на обычное место: уж конечно, госпоже Леонар не придет в голову взламывать замки, как он это проделал с чемоданчиком.

Слишком много он размышляет обо всем этом. Мало сохранять спокойствие. Конечно, прежде чем принять решение, нужно все продумать, но не терять душевного равновесия.

Кальмар сошел вниз. Привратница заметила его:

– А я думала, что вы легли. После такой утомительной поездки...

– Что поделаешь! Дела, госпожа Годо...

– Берегите себя. Я уверена, что госпоже Кальмар будет неприятно, если она узнает, что супруг в ее отсутствие жил кое-как... Я вот вспоминаю моего бедного мужа. За всю нашу жизнь мы только две недели не были вместе – я-то знаю, что получается, когда мужчины предоставлены самим себе.

Кальмар прошел несколько шагов до гаража, где стояла его машина.

– А, месье Кальмар! Я-то думал, что вы вернетесь только на будущей неделе. Верно, перепутал число... Ну, я не задержу вас.

Однако пришлось переместить с десятков машин, чтобы вывести покрытую пылью машину Кальмара, стоявшую в самом дальнем углу.

– Простите, совсем запамятовал. Позвольте хоть обтереть ее.

Пакет мешал Кальмару. Он не надеялся, что хозяин гаража не заметит его, и, вместо того, чтобы положить в багажник, небрежно бросил на сиденье.

– Прекрасный день, хоть и жарко. Не знаю, какая погода стояла у вас там, а здесь уже много лет не было такого пекла. Вы ведь знаете наш квартал не хуже меня, тринадцать лет тут живете. Все как будто приличные люди, и, представьте себе, – я своими глазами видел, как хозяйки выходили за покупками в шортах, а ребяташки играли на улицах в купальниках...

Кальмар ехал к площади Оперы по почти пустынным улицам. Ему даже удалось найти на улице Обер место для машины, и, поставив ее, он устремился в один из банков на Больших бульварах. Поднявшись по лестнице в зал, довольно прохладный и казавшийся даже темным по сравнению с залитыми солнцем улицами, он вдруг почувствовал, как его охватила паника.

Кальмар понимал, что сейчас он делает первый серьезный шаг. Впрочем, нет. Первый шаг он сделал, когда открыл автомат для хранения багажа на платформе лозаннского вокзала. Но и это не совсем точно, ибо в ту минуту поручение незнакомца не вызывало еще у него никаких подозрений.

В крайнем случае, если бы полиция подняла всех на ноги, она могла бы разыскать итальянца-контролера, который проверял проездные билеты около Падуи, и тот, конечно, вспомнил бы, что вырвал из билетной книжки незнакомца розовый талон. А полицейский из

Домодоссолы, медленно перелиставший паспорт и вернувший его владельцу с почтительным поклоном?.. Кстати, почему он ему поклонился? Ведь не поклонился же он Кальмару. Может быть, потому, что это был человек, известный или занимавший видное положение в какой-то стране? Скажем, дипломат? Нет, неизвестный не походил на дипломата, он ни на кого не походил. По существу, описать его было бы невозможно.

Кальмар нашел окошечко, где меняли валюту. Перед ним стояли человек шесть: несколько американцев и две немки. Американцы протягивали в окошко аккредитивы, кассир просил их расписаться, а потом, после беглого сравнения подписей на корешке и на чеке, выдавал французские деньги. Один иностранец затеял было спор с ним, не соглашаясь с выданной ему суммой, но две немки – мать и дочь, стоявшие позади него, стали проявлять нетерпение и заставили его отойти. Время приближалось к полудню, и Кальмар опасался, что касса закроется на обед. Тут он вспомнил, что оставил пакет с чемоданчиком на сиденье, хотя намеревался остановиться на какой-нибудь тихой улице и спрятать его в багажник. Ну, да что там! Машина заперта, а небрежно перевязанный пакет едва ли привлечет воров.

Перед Кальмаром оставались еще два человека... Потом один, теперь его очередь. Кальмар протянул столонную бумажку – только бы не дрожала рука. Как он и ожидал, кассир удивленно поднял на него глаза, пощупал ассигнацию большим и указательным пальцами, дабы убедиться, что она должной толщины и плотности, затем посмотрел ее на свет.

– Одну минуту, пожалуйста.

Кассир откинулся назад, выдвинул ящик стола, находившийся на уровне его живота, и вытащил оттуда узкий реестр с колонками цифр.

Хотя все это длилось несколько секунд, позади Кальмара уже образовалась очередь из нескольких молодых итальянцев.

Задвинув ящик, кассир спросил:

– Желаете получить французскими деньгами?

– Да, пожалуйста.

Купюры по десять франков поскрипывали под пальцами кассира. Считая их, он отгибал уголки, ибо они были сложены пачками, как доллары и фунты в чемоданчике незнакомца.

Потом кассир еще раз пересчитал банкноты и добавил две монеты – в два франка и в один франк.

Кальмар не стал вкладывать деньги в бумажник, а просто сунул их в карман. И так, доллары настоящие! И у него на квартире по улице Лежандр, в портфеле, валявшемся на полке шкафа, лежит около полутора миллионов франков!

Первый раз в жизни он тратил не принадлежавшие ему деньги. Впрочем – нет! Был такой случай, когда он украл, украл по-настоящему, с полным сознанием совершаемого проступка. Ему было лет десять-одиннадцать. Стояла такая же вот жара, как сегодня. В ту пору ни родители, ни он не уезжали на отдых, наоборот – отпускное время считалось лучшим для торговли. Бывало, после завтрака отец дремал на кухне в плетеном кресле, а заслышав колокольчик, оповещавший о появлении посетителя, вскакивал и бежал в лавку.

Кальмар не мог вспомнить, где находилась в тот день его мать, может быть, в саду растилала на траве белье для просушки. Воспользовавшись ее отсутствием, он тайком подкрался к кассе, залез в ящик, где лежали деньги, и взял – всего пятьдесят сантимов. Несколько минут спустя он купил на улице стаканчик мороженого у итальянца-разносчика.

Кальмар шел, слизывая ванильный крем, как вдруг заметил издали одного школьного товарища. Было это не в воскресенье, а в обычный будний день, когда Кальмару не разрешалось лакомиться мороженым, и он поспешно бросил стаканчик в лужу, а сам кинулся в первую же боковую улицу.

Он чувствовал, как горит у него лицо. Кровь стучала в висках. Он посмотрел на себя в витрину бакалейной лавки и, поскольку в ту пору был еще религиозен, помчался в церковь исповедоваться.

Теперь же, сидя во внутреннем зале «Кафе де ла Пэ», Кальмар не должен был, не хотел испытывать угрызений совести. Он не сел завтракать на террасе, где было прохладнее, только потому, что не желал, чтобы его заметил кто-нибудь из сослуживцев или из клиентов, ведь прежде ему не доводилось посещать такие роскошные кафе.

Тем не менее он заказал самые дорогие блюда, различные закуски, половину лангуста, печенку, жаренную на вертеле, – словом, все, чего не попробуешь дома. Конечно, это был уже третий рискованный шаг, но он показался Кальмару неизбежным. Не потому, что его вдруг обуяла жадность, а потому, что ему необходимо было еще раз убедиться, что стодолларовая бумажка действительно превратилась в настоящие франки. Но хоть у него и были теперь деньги, он не мог открыто их тратить.

Купи он вещь, которую ему давно хотелось, – портсигар, например, или зажигалку последнего образца, – Доминика удивилась бы, так же как если бы он вдруг ни с того ни с сего сделал ей подарок или принес игрушки детям. В любом случае он не мог бы объяснить, откуда взял на это деньги. Жена отнюдь не всегда проверяла, сколько он тратит, и если делала это, то вовсе не из подозрительности. Она прекрасно знала, сколько он зарабатывал и сколько оставлял себе на расходы после того, как выдавал ей деньги на хозяйство. А потому появление этих пятисот франков он никак не мог бы объяснить, и, следовательно, их нужно было истратить до субботы.

Эта мысль начала изводить Кальмара. Он прекрасно понимал значение слова «начало». Он отдавал себе отчет в роковой последовательности событий – с той минуты, когда в Венеции смотрел на застывший кадр вокзала, в центре которого стояла его дочь, и вдруг почувствовал, что рядом находится человек, внимательно наблюдающий за ним.

С тех пор он ни разу не действовал по собственной воле. Все его поступки механически следовали один за другим.

Прежде чем войти в «Кафе де ла Пэ», Кальмар спросил в газетном киоске, не поступали ли «Трибюн де Лозанн».

– Наверное, через полчаса доставят.

Он не исключал того, что ему, возможно, придется оставить у себя эти полтора миллиона франков, которые лежат у него в портфеле и о существовании которых госпожа Леонар, так ненавидевшая богачей – всех, кто имеет хотя бы немного больше досуга или денег, чем она, – даже и не догадывалась.

При том, как обстоит сейчас дело, при тех скудных сведениях, какими он обладает, он не может отнести деньги в полицейский участок или положить в банк и держать их там до тех пор, пока он не узнает, кому они принадлежат. Это было бы наилучшим выходом из положения. Кальмар мечтал о такой возможности, пока завтракал. Конечно, он будет молчать, никому не расскажет ни о поезде, в котором он ехал из Венеции, ни о чемоданчике, ни об Арлетте Штауб. Он твердо сохранит свою тайну, несмотря на все волнения, которых это может ему стоить, несмотря на подозрения, которые, возможно, падут на него. Потом, в один прекрасный день, когда газеты раскроют правду о незнакомце и о миллионах, положенных на хранение в автомате на лозаннском вокзале, он явится в полицейский участок или, еще лучше, в более высокую инстанцию – в сыскную полицию.

«Господин начальник, я принес деньги... Можете пересчитать. Все в сохранности, за исключением одной купюры в сто долларов, которую я счел нужным разменять в банке на бульваре Итальянцев, только чтобы проверить, не фальшивые ли они».

А почему бы и нет? Разве так не может когда-нибудь случиться? И все будут его поздравлять.

«Поймите, я не мог поступить иначе. Конечно, выйдя из квартиры Арлетты Штауб на улице Бюньон, я должен был немедленно сообщить полиции. Но я так растерялся, что не сделал этого. Наверное, не будь я честным человеком, я бы так не растерялся. А потом мне пришлось...»

Впрочем, открыть счет в банке можно, лишь предъявив удостоверение личности. Кроме того, в некоторых случаях банки ведь обязаны сообщать в налоговое управление о вкладах своих клиентов.

Если взять сейф, то для этого тоже необходимо предъявить документ и подписать ряд бумаг.

Безумная затея... Он принялся за лангуста. И решил, что выбросит пустой чемоданчик в Сену сегодня вечером по пути домой. А может быть, выбросить и деньги? Дождь из банкнот! Сотни тысяч франков поплывут по течению! Нет, это невозможно, ни один здравомыслящий человек не откажется от целого состояния.

Кальмар переоценил свой аппетит и едва прикоснулся к печенке.

– Гарсон, спросите, пожалуйста, в киоске, поступила ли «Трибьон де Лозанн», и если да, то принесите мне...

Какой промах! Сейчас малейшая деталь могла привлечь к нему внимание. Именно такие незначительные факты запечатлеваются в памяти людей и вспоминаются в нужный момент.

«Послушай, помнишь, в тот день один клиент – он еще заказал шикарный завтрак с вином – попросил купить ему „Трибьон де Лозанн“?»

А может быть, и читать газету на людях не стоит? Тем не менее Кальмар просмотрел ее за кофе.

На первой обложке ни особых происшествий, ни броских заголовков, только иностранная хроника, на второй странице – объявления. На третьей – длинная статья о загрязнении вод озера Леман и протокол заседания кантонального совета.

На следующих страницах: новости из Вале, из кантона Невшатель, Женевы и, наконец, из Во. Пожар в Морже, столкновение машин в Косонэ, сбитый велосипедист в... А вот Лозанна. Под рубрикой «Наши гости» сообщение о визите американских педагогов... Опять столкновение машин – одна врезалась в другую... Неудавшееся ограбление ювелирного магазина на улице Бург... Фельетон «Каков гусь!..».

Затем спорт и, наконец, на последней странице – снова зарубежная информация. Ни слова об Арлетте Штауб, ни слова о человеке, исчезнувшем из поезда в Симплонском туннеле.

Во всяком случае, Кальмар теперь знает, какую страницу просматривать в этой газете.

– Гарсон, счет, пожалуйста.

Он не нашел в газете ничего, что его интересовало, и оставил ее на диванчике в кафе. Часы показывали половину второго. Там, на Лидо, Доминика и дети снова шли из пансиона на пляж, где за каждым, словно по безмолвному уговору, сохранялось жизненное пространство. Одни и те же компании занимали те же места, на том же расстоянии друг от друга. В конце концов при встрече люди начинали улыбаться.

– Жозе, не ходи по воде до купания.

– А я? – с невинным видом спрашивал Биб.

– И ты тоже. Если я говорю это Жозе, то...

– Конечно, ты считаешь, что я непослушна. По-твоему, у меня одни недостатки. А ведь никто не ждет двух часов, чтобы пошлепать по воде или выкупаться.

Возможно, за завтраком в *pensione di famiglia*³ Доминика сказала:

– Сейчас папа тоже завтракает у Этьена. Надеюсь, он не взял ничего жирного.

³ Семейном пансионе (*ит.*).

Кальмар отыскал свою машину и сразу же спрятал в багажник чемоданчик со взломанными замками. Он поехал через Елисейские Поля на авеню де Нейи и, немного не доезжая до министерства обороны, затормозил перед светло-желтым зданием с вывеской: «Асфакс, Робюр и Роб». Ниже более мелкими буквами значилось: «Акционерное общество».

Это был довольно большой трехэтажный дом с мансардами. До и во время войны в нем помещалась скобяная лавка, где торговали по старинке и где можно было найти что угодно – алюминиевые кастрюли, болты всех размеров, целые бочонки с гвоздями, инструменты для любого ремесла, проволочные сетки для курятников наряду с гантелями и карнизами для занавесей.

В те времена еще был жив старик Боделен, седовласый старец с пышной шевелюрой, с утра до вечера расхаживавший в рабочем халате, таком же сером, как железо, которым он торговал.

Его сын, нынешний хозяин, Жозеф Боделен, носил такой же халат и так же бродил по всему помещению, похожему на аквариум, ибо огромный этот магазин с галереей освещался через стеклянную стену, выходящую во двор. Здесь во дворе, в каком-то сарае, Боделен-сын производил свои первые опыты. Он ничего не понимал в пластмассах, но заметил, что ими пользуются все больше и больше для изготовления домашней утвари.

Вместо того чтобы обратиться к специалисту, он пошел к своему товарищу, химику Этьену Расине, который зарабатывал на жизнь, делая анализы мочи и крови. Расине был холостяк, маленький, краснолицый, веселый, и поскольку он был одинок, то нередко засиживался в лаборатории до полуночи.

Через несколько недель Расине собрал и освоил огромную литературу о существовавших в ту пору пластмассах и всякий раз, как появлялось что-нибудь новое – а синтетические материалы, можно сказать, рождались чуть ли не каждую неделю (полиэтилен, полипропилен, полистирен, поликарбонат), – добавлял их к своему списку.

– Добыть первичное сырье – не проблема, оно продается в виде порошка, крупинки, таблеток, пасты. Но если вы хотите что-то производить, необходим смеситель, так как в сырье придется добавлять ряд ингредиентов. Нужна печь, чтобы довести смесь до должной температуры, нужны, наконец, пресс и формы.

– Это займет много места?

– В зависимости от величины изготавливаемых изделий.

Боделен начал с небольших предметов, например с зубных щеток, дорожных ложек и вилок, пляжных ведерок, детских лопаток и граблей, подставок для яиц, колец для салфеток.

От старой скобяной лавки уцелел только остов. Нижний этаж, перестроенный в современном стиле, со светящимся потолком, был оборудован под выставочный зал фирмы «Асфакс, Робюр и Роб».

Контора – во всяком случае, контора Парижского отделения – помещалась на втором этаже. Кроме этого, было еще отделение в Нантерре и основной завод в Брезоле.

Кальмар быстро поднялся по мраморной лестнице и на мгновение задержался перед застекленной кабиной с табличкой «Прием посетителей».

– Патрон вернулся?

– Приехал сегодня утром и спрашивал вас.

– Ему прекрасно известно, что я должен приступить к работе после полудня.

– Вы что, забыли, какой у него характер, господин Кальмар?

Патрон был неплохим человеком, даже наоборот, но раздражался, когда не находил кого-нибудь на месте. Каждый должен сидеть в своем закутке.

Его мечтой, его идеалом был бы мир без воскресений, без отпусков. Разве он сам брал отпуск? Мир без женщин и без детей!.. Разве он часто бывал в своей огромной квартире на

бульваре Ришара Валласа, где его жена и дочь жили с четырьмя или пятью слугами? Вряд ли он навещал их раз в неделю... Вряд ли ездил на виллу, купленную для семьи в Мужене.

Он спал наверху, в бывшем чулане, рядом с которым оборудовал самую примитивную ванну.

– Хозяин поехал в Брезолю?

– Разве у него узнаешь?

В Брезолю, или в Нантерр, или же на новую стройку в Финистере. Иногда думали, что патрон уехал в предместье Парижа, а он звонил из Лондона или Франкфурта. Такова была его жизнь, и отчасти такой же была жизнь Кальмара, поскольку добрую треть своего времени он проводил на авеню де Нейи.

– Ну что, вернулся наконец?

Это спросил Жув, которого все звали Бобом, – фантазер и весельчак.

– Послушай, да ты еще разжирел и совсем не загорел. Ты уверен, что был в Венеции?

Кальмар нахмурился.

– Что-нибудь не клеится, старина?

Жув был его единственным другом.

И тем не менее Кальмар вынужден был ответить ему с деланой улыбкой:

– Нет, все в порядке... Просто чертовски устал, целый день провел в вагоне, где было столько народу, что по коридору в туалет не пройдешь, да еще потом целую ночь ехал.

– А как же дети?

– Пока остались там, вернуться в субботу.

IV

До сих пор Кальмар видел лишь два раза свою привратницу, причем мельком. Затем хозяина гаража – тоже мельком. Остальных – например, кассира в банке, интересовавшегося лишь столларовой купюрой и вполне удовлетворившегося тем, что она не фальшивая, метрдотеля и гарсона в «Кафе де ла Пэ» – можно не принимать в расчет.

Теперь же было другое дело, и Кальмар, входя в свой кабинет, где его ждали каталоги, поступившие за время его отсутствия из США, почувствовал тревогу, вспомнив шуточки Боба.

Жув слыл легкомысленным парнем, ничего не принимавшим всерьез, как и положено питомцу Школы изящных искусств. Этот повеса не мог спокойно пропустить ни одной машинистки, чтобы не ущипнуть ее или не дать ей шлепка. Даже мадемуазель Валери, самую уродливую и нескладную в конторе. А она считала своим долгом всякий раз испуганно вскрикнуть, словно он пытался ее изнасиловать.

Жув жил в мастерской на набережной Великих Августинцев, всегда с какой-нибудь подружкой, но почти каждый месяц – с другой. Зачем он их менял, было не очень ясно, поскольку все девушки походили друг на друга – маленькие, чернявые, с большими ласковыми глазами.

Когда Жув, по своему обыкновению, посмеивался над кем-нибудь, он становился похож на великовозрастного светловолосого мальчишку с лукавыми глазами. На самом же деле он был одних лет с Кальмаром, и они знали друг друга еще с той поры, когда учились в Сорбонне и посещали «Колокольчик» – дешевый ресторан на набережной Турнель, где было всегда лишь одно горячее блюдо, написанное мелом на грифельной доске.

Однажды хозяин ресторанчика вычитал в газетах, что некоторые его коллеги разбогатели, принимая в виде платы за обед полотна молодых художников, и решил иногда тоже брать произведения учащихся Школы изящных искусств.

Продолжал ли Жув писать картины? Он утверждал, что да. И это было вполне вероятно, хотя в речах Жува трудно было отличить серьезное от зубоскальства.

– Знаешь, старина, придется мне жениться. Надеюсь, ты будешь свидетелем?

– На ком же ты женишься?

– На Алине, черт побери. Мы уже три месяца вместе, и она заявила, что беременна...

Ну а поскольку ее отец – полицейский какого-то участка в районе Изера... – И Жув добавил с комическим вздохом: – Всегда надо спрашивать у подружек, кто их отец. Нет, ты представь себе! Полицейский! А почему не солдат муниципальной гвардии?

Это было больше полугода тому назад, поздней осенью. Перед Новым годом Кальмар спросил:

– Как поживает Алина?

– Алина? Какая Алина?

– Ну, дочь полицейского?

– Ох, голубчик, понимаешь, во-первых, он оказался не полицейским, а всего лишь путевым обходчиком, во-вторых, в один прекрасный день Алина подцепила на танцах какого-то молодого субчика и удрала от меня.

– А ребенок?

– Думаю, что никакого ребенка не предвиделось. Впрочем, меня это не интересует. А ты еще не видел Франсуазу? Она со мной всего три недели, но теперь я уверен – это всерьез.

Кальмар порой завидовал Жуву, но, присмотревшись к нему, понял, что друг его не так уж счастлив и шутит, только чтобы скрыть грустное настроение.

Жув тоже наблюдал за Кальмаром – особенно сегодня. Их закутки сообщались. У Боба было нечто вроде студии художника – большой чертежный стол возле окна, эскизы моделей, приколотые к стене, и повсюду на полу самые неожиданные предметы из пластмассы. Патрон каждую неделю притаскивал ему что-нибудь новое.

– Взгляните-ка на это ведро, Жув. Это наш новый конкурент. Неплохо, но мы можем сделать лучше. Прежде всего закруглим края...

Закруглять! Это он обожал. Как ни странно, но, быть может, именно в этом таился частично секрет его успеха. Придать предметам из пластмассы, независимо от их назначения, более округлый, более мягкий, более привлекательный вид.

– Если у ведер, тазов или зубных щеток грубые линии – покупатели считают их барахлом.

Иногда Жув, сняв пиджак, заходил к Кальмару...

– Похоже, что в каталоге «Сирс-Робак» ты найдешь кучу новых штукунин...

У каждого из них была своя, своеобразная профессия. И само собой разумеется, у каждого и почти у всех сотрудников фирмы был свой титул. Жув именовался художественным директором, а Кальмара возвели в сан директора по заграничным поставкам. Все это было забавно. И тем не менее приносило ощутимые результаты, несмотря на то что «технический директор», он же «заведующий лабораториями», провел добрую половину жизни, делая анализы мочи.

Клиентов приводили в выставочный зал на первом этаже, но остерегались показывать им замечательные лаборатории и конструкторские бюро. Главным конструкторским бюро была мастерская Жува, хотя существовали и другие, как будто более солидные на вид, укомплектованные инженерами и специалистами, окончившими технические институты. Такие бюро имелись на заводе в Нантерре и в других филиалах, но прежде всего – на ультрасовременном заводе в Брезоле, где трудилось двести рабочих и работниц.

Однако в Нейи находился мозг всего предприятия и кабинет самого патрона, обставленный так же просто, как комната уборщицы на третьем этаже или чуланчик, где ночевал шофер Мишель, когда не успевал вернуться домой.

Лаборатория помещалась в глубине двора, в бывшей мастерской, из которой убрали все старое оборудование и постепенно полностью преобразили. Маленький кругленький господин Расине производил там опыты, напомиравшие детские игры: испытывал различные химиче-

ские составы, смешивал краски, орудовал прессом с помощью Каду, бывшего кладовщика скобяной лавки, считавшегося мастером на все руки.

– Послушай, старина, – Боб с потухшей сигаретой во рту стоял перед Кальмаром. – Ты в самом деле хорошо себя чувствуешь? У вас с Доминикой ничего не произошло?

– А что могло произойти? Уверяю тебя, что...

– Ладно, не сердись. Просто ты сегодня какой-то не такой, только и всего. Как себя чувствует Доминика?

– Очень хорошо.

– Загорела?

– Ты ведь знаешь, что ей никогда не удастся как следует загореть. Она сразу обгорает, и у нее начинает шелушиться кожа.

Жюстена Кальмара и Жува связывала тайна, о которой Жюстену было неприятно вспоминать. Когда его спрашивали, где он познакомился со своей женой, он небрежно отвечал:

– Представьте себе, в метро. Кое в чем и метро может быть полезно. Мы каждый день ездили в одном направлении и в конце концов разговорились.

Это была неправда. Он встретил Доминику в «Колокольчике» – она работала продавщицей в магазине перчаток на бульваре Сен-Мишель и была тогда любовницей Боба.

Доминика и Боб расстались. Как случилось, что Жюстен заместил своего друга? Это была запутанная история, в которой Кальмар так и не смог разобраться. Главное, вот уже тринадцать лет Доминика – его жена и он с ней счастлив.

– Клянусь тебе, у меня все в порядке.

– Возможно! Возможно! Только по твоему виду этого не скажешь.

– Как ты думаешь, патрон будет сегодня?

– А почему это тебя интересует?

– Шаллан еще в отпуске?

– До первого сентября.

Шаллан – коммерческий директор – ничем особенным от других не отличался. Но он занимал пост главного директора, вероятно, потому, что строго и элегантно одевался, имел представительную внешность и мог часами беседовать на любую тему, создавая впечатление, что досконально знаком с данным вопросом.

Раньше он служил простым агентом фирмы, производившей химикалии. Теперь же ему предоставили в конторе самый красивый кабинет с приемной, где помещался коммутатор и дежурили два секретаря.

Шаллан принимал посетителей, с достоинством водил их по выставочному залу от одного образца к другому. Когда он обсуждал очередную сделку в своем кабинете, сам хозяин, господин Боделен, частенько заходил туда с таким скромным видом, что большинство посетителей принимало его за простого служащего.

– Как вы думаете, господин директор, можно предоставить клиенту кредит на тот срок, который он просит?

Это походило на фарс, но Жозеф Боделен никак уж не был персонажем из фарса. Вопреки простодушной внешности старого слуги, пользующегося доверием хозяина, он видел все, вникал во все, решал сам все вопросы, как здесь, в Нейи, так и на других заводах.

Нередко Боделен сам обходил большие магазины и торговые дома с многочисленными филиалами, где, прикинувшись покупателем, подолгу разглядывал выставленные предметы.

– Вы убеждены, мадемуазель, что такое ведро выдерживает температуру восемьдесят градусов?

– Никто до сих пор не заявлял претензий, месье.

– А если его подержать несколько недель на солнце, краска не потускнеет?

– Вы можете это проверить сами, месье.

– Сколько же вы продаете их за неделю?

– Этого я не знаю. Надо справиться у заведующего отделом.

Боделен, не называя себя, платил деньги и появлялся в мастерской Боба с пакетом под мышкой.

– Полюбуйтесь на этого урода, голубчик. Халтура, а ведь продается. Следовательно, если вам удастся закруглить края, а Расине добьется более приятного цвета, не выгорающего на солнце...

Кальмару вдруг стало ясно, что до сих пор он был счастлив в этой фирме, и он принялся убеждать себя, что и теперь нет причин чувствовать себя несчастным.

Но куда же спрятать деньги?

В его кабинете стоял довольно вместительный шкаф с раздвижными дверцами, где Кальмар хранил каталоги. В дверцы был вделан замок, но поскольку шкаф никогда не запирали, ключ давно уже куда-то исчез.

В левом углу, возле окна, Кальмар поместил металлический картотечный ящик для писем с исправным замком и по вечерам запирали его на ключ, а ключ прятал в письменный стол, который, впрочем, тоже никогда не запирался.

А что вообще запиралось во всем помещении? Вероятно, ничего, за исключением маленького шкафчика палисандрового дерева, где Франсуа Шаллан держал для клиентов посолднее виски, коньяк и портвейн.

Даже в лаборатории в глубине двора ничто не запиралось, поскольку господин Расине не считал свои формулы настолько оригинальными, чтобы держать их в секрете.

Куда же спрятать капитал более чем в полтора миллиона франков? И каким образом, если деньги обнаружат, доказать, что они принадлежат ему?

Вот о чем размышлял Кальмар, притворяясь, что изучает иллюстрации в американских каталогах. Еще сегодня утром деньги, лежащие сейчас в его портфеле, воспринимались им как ничьи, временно никому не принадлежащие.

Только временно... иначе в какой-то момент, около полудня, ему не пришла бы в голову мысль поместить эти деньги до нового распоряжения или взять сейф, чтобы хранить их в надежном месте.

Сам того не замечая, Кальмар стал думать об этом капитале как о своем собственном. Он еще не задавал себе вопросы, на что употребит эти деньги. У него еще не было никаких планов. Все было смутно. Пока еще капитал не принадлежал ему, но не исключено, что обстоятельства примут какой-то иной оборот и деньги станут его собственностью.

И это не явится ни кражей, ни мошенничеством. Просто он будет вынужден оставить деньги у себя так же, как сегодня вынужден где-то их прятать. Подобная перспектива представлялась Кальмару и соблазнительной и тягостной. В данный момент скорее тягостной, чем приятной. Все было так неопределенно. Поминутно возникали непредвиденные осложнения.

Прежде всего, как узнать, что случилось с человеком из поезда и кто он был. Шпион или аферист международного класса? Кальмар имел все основания предполагать и то и другое.

Тогда кому же возвращать деньги? Мог ли он явиться в консульство какой-либо страны (если предположить, что речь идет о шпионаже) и заявить: «Я хочу отдать деньги, которые один из ваших агентов оставил в Лозанне в автомате для хранения багажа, а ключ передал мне».

Но почему тот человек доверил ключ Кальмару?

Для того, чтобы отнес портфель некой Арлетте Штауб.

«Когда я пришел к ней, она была мертва...»

Нелепо! А если неизвестный связан с международной воровской шайкой? Кому в таком случае принадлежат эти деньги? Наверняка не человеку, ехавшему с ним из Венеции, раз они попали к нему незаконным путем. Предмет кражи, мошенничества или грабежа ни при каких

условиях не может считаться собственностью преступника или его соучастников. Кстати, были ли соучастники? И кто?

Сначала положение, в котором он очутился, представлялось Кальмару довольно простым, но чем больше он размышлял, тем оно казалось сложнее, хотя Кальмар изо всех сил старался об этом не думать. Хоть бы хозяин зашел к нему в кабинет и дал срочную работу, которая заняла бы все его дни и ночи на целую неделю.

Соучастники!.. В этом деле не было соучастников, а если и были, то, вероятно, один из них решил выйти из игры и, работая уже на себя, убил Арлетту.

Как все запутанно! Кальмар вдруг покрылся холодным потом, к горлу подступила тошнота, захотелось побежать в туалет и выbleвать вкусный, чрезмерно обильный, чрезмерно плотный завтрак, который он съел в «Кафе де ла Пэ».

Необходимо сейчас же внести во все ясность. Сначала – ключ. Это главное звено, поскольку тот, в чьи руки он попадал, мог стать обладателем полутора миллионов.

Итак, в воскресенье 19 августа на пути между Венецией и Миланом этот ключ находился в кармане неизвестного, который под предлогом, что его ждет самолет в Женеве и у него нет времени на остановку в Лозанне, передал ключ Кальмару.

Так на перегоне Милан – Лозанна временным обладателем ключа стал он, Жюстен Кальмар.

Кто знал об этом? Разумеется, человек, который отдал ему ключ. Но можно ли быть уверенным, что кто-то посторонний случайно не заметил этого? В течение многих часов большинство пассажиров не выходило из вагона, и любой из тех, кто толпился в проходе, мог увидеть то, что происходило в купе.

Исчез ли незнакомец добровольно? Но зачем ему было кончать жизнь самоубийством в Симплонском туннеле? И почему, если это произошло, в утреннем выпуске «Трибюн» не упоминалось о несчастном случае? Ну что же, подождем до завтра.

Допустим, он пропал без вести. Но ведь кто-то в поезде, в Лозанне или где-нибудь в другом месте знал о существовании чемоданчика, раз Арлетту Штауб убили до прихода Кальмара. Знал ли тот, кто ее убил, что она должна была получить деньги – по всей вероятности, на хранение, а может быть, и для передачи третьему лицу?

Но если так, тогда почему убийство произошло до того, как она получила эти деньги? Ведь через полчаса, через час, самое большее – через два они уже были бы на улице Бюньон.

Ох, хватит... Он устал так, словно двадцать раз обежал по жаре Булонский лес.

– Ты совсем позеленел, старина. Если у тебя что-то с желудком, прими соды.

Боб очень проницателен, хотя и кажется ветрогоном. Он не верит в несварение желудка. И, должно быть, уже догадался, что его друга что-то мучает, и притом что-то очень серьезное.

А почему бы тому, кто прикончил Арлетту Штауб, не прикончить теперь и его, Жюстена Кальмара? Даже если у него уже не будет этих денег?

В результате бесконечных раздумий Кальмар уже готов был прийти к мысли, что необходимо сегодня же вечером вложить деньги в чемоданчик со вскрытыми замками и выбросить его в Сену в каком-нибудь пустынном месте, подальше от Парижа. Но что бы это дало? Если кто-то – а это вполне вероятно – знает, что деньги у него, он никогда не поверит, что Кальмар решил вдруг швырнуть их в воду.

И что тогда? Когда и где ему может грозить опасность? Когда он вернется домой? Возможно, там уже кто-нибудь спрятался. Нет, этого не может быть – ведь там еще мадам Леонар. Но после пяти часов в квартире никого не будет, и любой человек при небольшой сноровке без труда откроет замок входной двери.

Возможно и другое. Он пообедаст у Этьена на бульваре Батиньоль, чтоб сделать приятное Доминике, затем вернется к себе, зажжет свет. Тем временем по лестнице поднимется какой-

то человек и позвонит в квартиру. Может ли Кальмар не открывать двери, чтобы тот решил, что его нет дома? Ничего не получится: с улицы виден свет в окнах.

И даже здесь он не в безопасности. Вот сейчас он спустится в лабораторию и убедится, что и там нет надежного тайника для денег. Но пойдет он туда не только для этого: вернувшись из отпуска, надо все-таки поздороваться с Расине и Каду, которых он не видел две недели.

И вот пока он будет переходить двор, кто-то может наброситься на него или выстрелить из револьвера, а он и защититься-то не успеет.

Сегодня утром Кальмар впервые сделал открытие, которое поразило его особенно потом, когда он поразмыслил об этом: у себя дома, в своей собственной квартире он, тридцатипятилетний мужчина, психически нормальный, женатый, отец семейства, не имел даже уголка, куда мог бы положить что-либо втайне от остальных членов семьи. Не доказывает ли это, что у него нет личной жизни?

В самом деле, разве этот факт не означает, что он – пленник своего семейного очага? Если он возвращался поздно, от него требовали объяснений. Если тратил деньги, обязан был отчитаться. Не удавалось даже скрыть, когда у него болел живот. Более того, самый ничтожный клочок бумаги он не мог хранить так, чтобы никто об этом не знал.

– Папа, что в этой коробке?

Или же:

– Что у тебя в пакете?

То же самое продолжалось и на работе. Прежде он считал, что здесь он предоставлен сам себе. Ну, хотя бы в уборной он может запереться и остаться наедине с собой. Кальмар так и сделал. При виде унитаза он почувствовал приступ рвоты и не стал сдерживаться.

– Ну вот, ты уже лучше выглядишь, дружище! Пообедаем сегодня вместе в «Колокольчике». Я познакомлю тебя с Франсуазой, она веселая, сам увидишь. Никогда не встречал девушки с таким острым язычком!

– Очень жаль, но я занят.

Боб нахмурился. Он знал, что Доминика в отъезде. Знал также, что у Жюстена, кроме него, друзей не было и что вряд ли тот в одиночестве отправится обедать к свояченице или в Пуасси, к родителям жены.

Кальмар, заметив удивление Жува, поспешно добавил:

– Я познакомился в Венеции с одним человеком и обещал ему...

Ай-яй-яй, какая оплошность! Он должен теперь остерегаться таких промахов. Ведь Боб, встретив его с Доминикой, способен спросить с самым невинным видом: «Кстати, что слышно о твоём друге из Венеции?»

Кальмар решил исправить положение, но запутался еще больше.

– Когда я говорю – в Венеции, это не совсем точно. На самом деле я познакомился с ним в поезде.

– Француз?

– Нет, он из Центральной Европы, точно – не знаю откуда.

Вот до чего он дошел! Приходится следить за каждым словом, даже за выражением лица!

В безлюдном месте близ Сартрувиля Кальмар избавился от чемоданчика, который, конечно, вряд ли кто-нибудь мог опознать.

По иронии судьбы перед этим ему пришлось все же съесть жареную печенку.

– А, месье Кальмар, ну как провели отпуск? Как поживает прелестная мадам Кальмар?

Он зашел к Этьену еще засветло, и тот не преминул подойти к нему пожать руку.

– По-моему, вы что-то мало загорели, – заметил при этом он. – Даже не похоже, что вернулись из отпуска. Неважно выглядите. Вам сейчас подадут легкий обед: овощной суп и омлет с печенкой, пальчики оближете...

Кальмару опять пришлось подчиниться чужой воле, а то, к примеру, придут они как-нибудь с Доминикой в ресторан, и хозяин скажет: «Помните, как по приезде из Венеции вы пришли ко мне обедать и еще отказались от моего омлета с печенкой?»

Так жена узнает, что он не завтракал на бульваре Батиньоль. Начнутся расспросы... И ложь, ложь без конца. Кальмар уже сам себе не доверял...

А что, если... У него мелькнула новая идея, но ему претило рассматривать ее всерьез, если, конечно, не рассказать все Доминике. Как бы она отнеслась к этому? Конечно, она такой же честный человек, как и он. Доминика станет упрекать его, почему он сразу же не обратился в полицию...

Быть может, ему удастся убедить ее, что с той минуты, как он взял в руки ключ, всякое обращение в полицию исключено. Не может он пойти туда ни сегодня, ни завтра, да и вообще никогда, если только не произойдет что-нибудь неожиданное.

Кальмар все больше и больше начинал верить, что деньги останутся у него, что бы ни произошло. Если он расскажет о них Доминике, та, вполне вероятно, придет к тем же выводам, что и он, и уже сама станет принимать все решения.

«Надо прежде всего подумать о детях, Жюстен. Я всегда говорила, что воздух Парижа для них вреден. Вспомни-ка, ведь с первых дней нашего брака я настаивала на покупке загородного домика. Можно найти неплохой, в рассрочку на пятнадцать лет...»

Эта идея возникла у нее только потому, что ее родители переселились на покой неподалеку от Пуасси!

«Чем ты занимался, когда я с тобой познакомилась? Преподавал английский язык в лицее Карно, не так ли? И отказался бы от преподавания, чтобы больше зарабатывать. Ты ведь даже поговаривал в то время о диссертации. Ну вот, а теперь ты сможешь засесть за нее без всяких помех. Мы поселимся где-нибудь в живописном местечке у реки. Ты постарайся получить назначение в ближайший городок, в лицей. Избавившись от материальных забот, ты сможешь выбрать работу по своему вкусу, а дети будут крепнуть, живя на воздухе. Часть денег мы отложим на их образование. Ведь никогда не знаешь, что может произойти...»

Ну, нет! Деньги, из-за которых он так страдает и, наверное, будет еще немало страдать, не пойдут на воплощение мечты Доминики.

Прежде всего – потому, что это не его мечта. Она его никогда не прельщала, даже в ту пору, когда он делал вид, что разделяет планы Доминики. Например, проблема диссертации. Правда, он тоже подумывал об этом. Правда и то, что некоторое время ему нравилось представлять себя маститым ученым, в домашних туфлях, самозабвенно пишущим труды по сравнительному языкознанию или о каком-нибудь английском поэте, хотя бы о Байроне и его влиянии на литературу. Честно говоря, он выбрал специальность преподавателя потому, что один из учителей старших классов сказал:

– У этого мальчика способности к языкам.

Потом он добился стипендии. Далее – степени лицензиата. Затем сдал экзамены CAPES⁴ по английскому и немецкому языкам, что позволило ему преподавать эти два языка в старших классах средней школы.

Все это происходило, когда он жил еще в Латинском квартале, в маленькой гостинице позади Винного рынка, и если бывал при деньгах, ходил обедать в «Колокольчик», где и познакомился с Робером Жувом.

Мать Кальмара радовалась, что сын стал учителем, и жалела только о том, что он назначен в Париж, а не в Жиен. Она не знала, что вначале он был лишь скромным репетитором. Впрочем, мать все равно не поняла бы разницы. Она с гордостью говорила своим покупателям:

– Мой сын – учитель!

⁴ CAPES – во Франции удостоверение, дающее право преподавать в средней школе.

Никто не принуждал Кальмара стать преподавателем. Но нельзя сказать, чтобы он сделал и свободный выбор. Он как бы плыл по течению. Женится на Доминике и поселился с ней на бульваре Батиньоль, в двухкомнатной квартире, выходящей во двор: неподалеку был ресторан, куда они ходили обедать.

Он познакомился с семейным кланом Лаво. Они жили тогда в той квартире, где живет теперь Кальмар. Отец, работавший в ту пору метрдотелем, был весьма высокого мнения о своем общественном положении. Кое-кто из театральных звезд и критиков еще захаживал в «Вейлер», и все они называли Лаво просто Луи. Он тоже, рассказывая о разных знаменитостях, охотно называл их по имени, как если бы они принадлежали к одному кругу.

– Понимаешь ли, дружок, такова моя профессия. Все тебя знают, и ты всех знаешь. Ни одна другая профессия не дает возможности завязать такие интересные знакомства, не говоря уже о том, что узнаешь о людях гораздо больше, чем они думают. Представляешь, что было бы, если бы такой человек, как я, проживший сорок лет в Париже, написал воспоминания! Вот ты, к примеру, учишь ребятишек моих клиентов, а почти ничего не знаешь о них...

Старшая замужняя сестра Доминики жила в Гавре, муж ее служил старшим барменом в Трансатлантической компании, а она торговала там же прохладительными напитками. Вторая, одинокая сестра, Роланда, работала секретарем у адвоката на левом берегу Сены и вела довольно замкнутый образ жизни. Как знать, не предложит ли Доминика, хотя внешне она и не разделяет вкусов родителей: «Почему бы и нам не купить такой же ресторанчик, как у папы?»

Это ведь у нее в крови. По воскресеньям, пока он отдыхал после обеда, она с удовольствием помогала родителям в кухне или в зале. Нередко он заставлял ее в переднике.

«Пойми, Жюстен, они с ног сбились. Надо же им помочь, раз они не берут с нас денег за еду».

И уж конечно, не он стремился каждое воскресенье в Пуасси. Дети? Предположим. Дети – другое дело, хотя бы из-за этой старой клячи. А он не прочь был иногда поехать куда-нибудь на новое место.

Ну а что касается преподавания... Как-то странно вдруг обнаружить – только потому, что какой-то неизвестный почти насильно вложил ему ключ в руку, – что вся его жизнь стала строиться на полуправде, если не целиком на лжи.

В начале своего преподавания в лицее Карно он был вполне счастлив и так же, как тесть, считал свою специальность одной из самых прекрасных на свете. Его радовали внимательные юные лица, и ему не терпелось преподавать в выпускных классах, дабы передать юношеству свое восхищение английскими поэтами.

Совсем не из-за денег Кальмар бросил преподавание, хотя и сказал так Доминике. Только Боб знал подлинную причину.

На самом же деле Кальмар из-за ерунды по-глупому испортил себе карьеру. И это случилось всего через два года после начала его педагогической деятельности.

А ведь он делал все, что было в его силах. Зная отвращение большинства учащихся к иностранным языкам, он пытался сделать свой предмет увлекательным. Например, придумывал забавные диалоги и проводил их с лучшими учениками.

– Вы, кажется, сегодня чем-то озабочены, месье Браун?

– Я забыл свой зонтик, сэр.

– Разве идет дождь?

– Может ли дождь не идти?

Все смеялись, и только один, всегда один и тот же ученик на последней парте, некий Мимун, никогда не смеялся и не интересовался тем, что происходило вокруг.

– Могу ли я узнать, месье Мимун, о чем вы думаете?

– Ни о чем, месье.

– Разрешите вам напомнить, месье Мимун, что в настоящий момент вы обязаны думать об уроке английского языка. Я полагаю, что родители посылают вас сюда именно для этого.

Мальчик был упрямый и злой. В эти минуты в его глазах вспыхивала скрытая ненависть.

– Месье Мимун, переведите первое предложение на странице шестьдесят пять.

– Я забыл книгу дома, месье.

– Одолжите у соседа.

– Я никогда ничего не одалживаю, месье.

– Месье Мимун, вы три раза перепишите шестьдесят пятую страницу.

Это становилось нелепым, длительная борьба между взрослым человеком, наделенным властью над классом, и двенадцатилетним ребенком, сознающим свою силу, поскольку он сын высокопоставленного лица.

– Месье Мимун!

– Что, месье?

Это «что, месье» звучало так издевательски, что часто Кальмар тут же складывал оружие.

– Ничего, садитесь. Мы постараемся не мешать вашим мечтам, а вы уж, пожалуйста, не мешайте нам.

В остальных классах у Кальмара все шло гладко. В классе же Мимуна обстановка все больше накалялась, и вскоре там наметилось два лагеря.

Кальмар уловил это по смеху. Наступил день, когда на его шутки стала реагировать половина класса, а потом лишь незначительная часть учеников.

– Прекрасно, господа, если вы предпочитаете строгость, я буду строгим. Должен добавить, к большому моему сожалению.

До тех пор он вел занятия только в шестом и пятом классах. В год, когда Мимуна, несмотря на плохие оценки по английскому языку, перевели в четвертый, судьбе было угодно, чтобы Кальмара повысили в должности и назначили в тот же, более старший класс.

Мимун был уже не ребенок, голос его огрубел, а во взгляде отражалось не только озлобление, но и непреклонное намерение всегда оставлять последнее слово за собой.

– Месье Мимун!

– Да, месье.

– Хрестоматия при вас?

– Да, месье.

– Будьте любезны, читайте.

– Я сделаю это не из любезности, месье, а по обязанности.

– Хотя ваш ответ меня не радует, тем не менее поздравляю вас с умением тонко воспринимать смысл слов. Страница сорок два, пожалуйста...

Дважды Кальмара вызывали к директору лицея. Никто не упоминал фамилии Мимуна, речь шла о родителях учеников вообще.

– Родители жалуются, месье Кальмар, на недостаточную требовательность с вашей стороны. Говорят, что вы любите смешить учеников, даже в ущерб дисциплине. Впрочем, это не мешает вам в иных случаях быть чрезмерно строгим... Соболаговолите подумать об этом... Не забывайте, что быть строгим – не значит переходить границы. Вы свободны, господин Кальмар.

Роковая пощечина прозвучала в июне, на третьем году его преподавания. Жозе было полтора года, у нее резались зубы. Жилось трудно. Тесть и теща еще не переехали из Парижа, и семья Кальмара ютилась в двух тесных комнатках на бульваре Батиньоль. Доминика всю весну прихварывала.

Мимун вел себя вроде бы более сдержанно и вместе с тем более вызывающе.

– Месье Мимун, я уже говорил вам, что запрещаю жевать резинку на уроках.

– Позволю себе заметить, месье, что вы сами подаете нам пример, постоянно сосете таблетки.

Это была правда. В то время Кальмар часто страдал желудком и не хотел, чтобы ученики чувствовали дурной запах у него изо рта.

– Я вам запрещаю...

– А я не потерплю, чтоб какой-то...

Они говорили, стоя на расстоянии метра друг от друга, причем Мимун был одного роста с преподавателем. Кто из них первый взмахнул рукой? Возможно, невольный жест одного был неверно истолкован другим. Так или иначе – прозвучала пощечина. В классе сразу воцарилась мертвая тишина. Потом поднялся невероятный шум.

– Поверьте, господин директор, мне показалось, что он хочет меня ударить, он с такой ненавистью смотрел на меня, что, когда он поднял руку, я решил...

– Подождите, господин Кальмар, дайте же и ему сказать.

– Он ударил меня, господин директор, я знаю, он давно хотел это сделать, все эти годы он ненавидел меня.

– Что скажете вы, господин Кальмар?

– Действительно, все три года этот ученик...

К чему продолжать? Он проиграл, и не только из-за Мимуна. К этому приложили руку и другие. Преподаватели, воспитатели, директор смотрели теперь на Кальмара с подозрением, словно среди них затесалась паршивая овца.

А ведь он взялся учительствовать с такой радостью, с таким энтузиазмом!

– Все потеряно, дружище Боб! Пока мне только выразили порицание, но дальше будет хуже. Меня наверняка переведут в какую-нибудь провинциальную дыру, а потом предложат подать в отставку.

– Что же ты собираешься делать?

– Сам не знаю. Как-то не представляю себя в роли переводчика у «Кука» или портье в модном отеле. Но с моим образованием это единственное, что остается.

– Скажи, а немецким ты владеешь?

– Почти так же свободно, как английским.

– Надо мне поговорить с патроном.

– А что, по-твоему, я смогу делать на предприятии, выпускающем пластмассовые изделия?

– Ты не знаешь Боделена. Ведь сам-то он тоже не промышленник. Прежде был жестянщиком и понятия не имел о пластмассах. Ну а я кто? Художник, окончивший Школу изящных искусств. И разве это помешало патрону взять меня на работу? Вот я и рисую теперь тазы, ведра, зубные щетки, дорожные приборы и небьющиеся фляжки! Еще на прошлой неделе патрон жаловался, что никто в конторе не знает английского. «У этих проклятых янки, – сказал он, – более совершенные образцы, чем у нас. И они ежедневно изобретают все новые изделия из пластмасс. Если б кто-нибудь у нас мог разбираться в их каталогах...»

Этим и занимался теперь Кальмар. Все началось с каталогов «Сирс-Робак», «Мейси», «Думбелс» и других больших американских магазинов.

И Доминика и ее родители были твердо уверены, что он бросил лицей, чтобы зарабатывать больше денег.

– Я знаю, ты приносишь себя в жертву, Жюстен, мне и Жозе (Биба тогда еще не было на свете). Тебе не очень тяжело? Ты не пожалеешь?..

– Ну что ты, дорогая!

А теперь в чем придется ему убеждать жену? Он размышлял об этом, лежа в постели, в их супружеской постели, и чувствовал себя таким одиноким, потерянным – мысль о портфеле, набитом деньгами, который он небрежно бросил в шкаф у входной двери, неотступно преследовала его.

А что, если?..

Часть вторая

I

– Бедняжка Жюстен! Ты так плохо выглядишь! Надеюсь, ты регулярно питался у Этьена и там о тебе заботились?

Была суббота, они ехали с вокзала, и она то и дело окидывала его встревоженным взглядом.

– Ты не забывал принимать лекарство от печени?

Это началось уже давно, еще в ту пору, когда он в лицее затеял борьбу на износ с Мимунном. Больше всего его огорчило то, что он не видел для себя иного пути, кроме педагогической карьеры, и в то же время прекрасно понимал, что надолго его не хватит. Угнетенное состояние духа начало отражаться на его желудке. Уже в то время он лечился у доктора Боссона, ставшего впоследствии их семейным врачом.

Однако не Боссон заговорил о его печени, а Доминика:

– Вы не находите, доктор, что у Жюстена что-то с печенью?

Боссон никогда никому не возражал. Он только пожал плечами и пробормотал:

– Может быть, в какой-то степени...

Он прописал порошки, которые следовало принимать утром натощак и три раза в день после еды. Однако Жюстен месяцами о них забывал.

– Ты должен заняться своим здоровьем. У тебя желтеет лицо...

Как-то непривычно было видеть их снова – дочку, одетую теперь уже в платье, еще больше загоревшую после его отъезда, и Биба, который вдруг очень повзрослел.

На этот раз Жюстен чувствовал себя с ними стесненно. Да и они, особенно Доминика, смутно догадывались, что в нем произошла какая-то перемена.

– Ты часто уходил куда-нибудь по вечерам?

– Один-единственный раз, с Бобом.

– И поздно вернулся домой?

– В одиннадцать часов. А так – в десять я уже был в постели.

– А мадам Леонар каждый день приходила, как мы с ней условились?

– Полагаю, что да. Правда, мы с ней ни разу не виделись, но, когда я возвращался с работы, все было прибрано.

– На службе никаких неприятностей?

– Все в порядке.

Нужно было привыкать, как-то принаравливаться...

За эту неделю произошло множество мелких событий, но он не имел права о них говорить. Во вторник он купил в киоске на Елисейских Полях «Трибьон де Лозанн», сунул ее в карман, зашел в бистро и, заказав аперитив, спустился в туалет, чтобы просмотреть газету. Слишком рискованно было читать швейцарскую газету у всех на виду – за всю свою жизнь он ведь пробыл в этой стране не более трех часов и не имел там ни родных, ни друзей.

В разделе происшествий ему бросилось в глаза нечто, заставившее его сердце забиться сильнее.

**ИЗУРОДОВАННЫЙ ТРУП
В СИМПЛОНСКОМ ТУННЕЛЕ**

В ночь с воскресенья на понедельник бригада путевых обходчиков в Симплонском туннеле сделала страшное открытие. В пяти километрах от Брига на путях были обнаружены чудовищно изуродованные останки пожилого мужчины, личность которого установить не удалось. Есть предположение, что погибший ехал в поезде, из-за темноты в туннеле ошибся дверью и, потеряв равновесие, упал на рельсы.

По Симплонскому туннелю в отпускное время, особенно по субботам и воскресеньям, проходит множество поездов, а потому на данной стадии расследования невозможно установить, в каком поезде ехал несчастный пассажир.

Никаких кричащих заголовков. Никаких гиперболов, кроме слов «чудовищно изуродованные» и «несчастный пассажир». Одно из обычных происшествий. Возможно, о нем будут говорить, а может быть, и не будут.

Важно то, что незнакомец с венецианского поезда уже не явится к Жюстену и не потребует свой чемоданчик. Странно, что ничего не говорилось ни о его паспорте, ни о содержимом бумажника, если только злоумышленник или злоумышленники, прежде чем столкнуться с поездом в темноту туннеля, не завладели документами жертвы.

Через две страницы другой заголовок тем же скромным шрифтом:

ЗАДУШЕНА ЛОЗАННСКАЯ МАНИКЮРША

В понедельник в конце дня портниха Жюльетта П., проживающая по улице Бюньон, вызвала полицию, так как ее встревожила тишина, царившая в соседней квартире.

Убедившись, что входная дверь не заперта, она приоткрыла ее и заметила в гостиной безжизненное тело соседки. Речь идет о девице Арлетте Штауб, уроженке Цюриха, много лет проживающей в нашем городе.

Арлетта Штауб была маникюршей и довольно долго работала в одном из наиболее известных лозаннских отелей, посещаемых иностранцами.

Однако есть основания предполагать, что красивая и элегантная молодая женщина, не довольствуясь своим жалованьем, нередко принимала клиентов на дому.

Хотя полиция о подробностях дела умалчивает, нам стало известно, что двадцатипятилетняя маникюрша была задушена в воскресенье днем с помощью голубого шелкового шарфа, который был найден недалеко от тела.

И все. Здесь тоже никаких броских фраз. Даже никакой жалости к «элегантной» молодой женщине, которая, вероятно, «не довольствуясь своим жалованьем, нередко принимала клиентов на дому».

И все же одна деталь встревожила Жюстена: «Полиция о подробностях дела умалчивает...»

Не означало ли это, что полиция уже напала на след и пока что воздерживается от объяснений? Не заметил ли кто-нибудь мужчину в кремовом костюме, который в воскресенье, на исходе дня, подъехал к дому на улице Бюньон в такси, а несколько минут спустя снова укатил?

Быть может, уже задержали шофера? Быть может, он сообщил приметы Жюстена и упомянул о чемоданчике?

Официантка в вокзальном буфете, конечно, запомнила клиента, потребовавшего двойную порцию виски, его расстроенное, испуганное лицо... Все это отныне прочно вошло в жизнь Жюстена. Он уже свыкся с этим.

Он боялся теперь всего: стоявших в укромных уголках машин, в которых прятались влюбленные; барж, причаливших к набережным; бродяг, спящих под деревом или под мостом...

Все это время он столовался у Этьена, кроме одного раза, когда обедал вместе с Бобом и его новой любовницей Франсуазой, довольно вульгарной женщиной, которая после его ухода наверняка воскликнула:

– Да уж, твоего дружка не назовешь весельчаком...

И правда, его весельчаком назвать было нельзя. Однако, если не считать самого тяжелого в его жизни лицейского периода, он не был мрачнее других. По вечерам он помогал Жозе готовить уроки, и девочка, не задумываясь, подтрунивала над ним. А разве она решилась бы на это, будь отец ворчливым и строгим?

Нет. Он ничем не отличался от других. И даже теперь, не поступал ли он так же, как поступил бы любой другой на его месте?

Не найдя подходящего тайника в конторе и в лаборатории на авеню де Нейи, Кальмар принял решение, которое устраивало его лишь отчасти. Но он рассматривал это как временную меру.

Взял же он чемоданчик из автоматического хранилища на вокзале, так почему бы и дальше не держать там деньги?

Во вторник он ушел с работы раньше обычного и кружным путем, исколесив почти весь Париж, зашел в магазин кожаных изделий на бульваре Бомарше. В своем квартале Кальмар не мог совершить такую покупку, которую потом трудно было бы объяснить, и он вспомнил об одном магазине, рядом с Зимним цирком, мимо которого как-то проходил.

Его интересовал размер, а не качество. Даже наоборот: Кальмар постарался выбрать самый неприметный чемоданчик, чтобы он не бросался в глаза, когда его будут вынимать из автомата.

А вынимать его отныне придется каждые пять дней. Уж таково правило. По истечении этого срока контролер открывает автомат и переносит багаж в общую камеру, где его держат в течение полугода.

Кальмар не хотел рисковать. Конечно, он мог бы абонировать автомат и на более долгий срок, но тогда пришлось бы заполнять бланк, указывать фамилию, адрес.

Он начал с вокзала Сен-Лазар. Итак, он либо до воскресенья должен забрать чемоданчик, либо опустить новую монету в скважину, что казалось ему рискованным. Лучше через каждые пять дней менять вокзал.

Все это оказалось гораздо сложнее, чем он думал вначале. Раньше, до возвращения из Венеции, он никогда не чувствовал, что является пленником, скованным рамками установленного порядка, что все двадцать четыре часа в сутки он находится под наблюдением, дома – жены и детей, на работе – патрона, сослуживцев и машинисток.

Доказательство? Никогда раньше ему так много не говорили о том, что он плохо выглядит. Он не имел права плохо переваривать пищу, быть озабоченным, взволнованным.

– Что-нибудь не ладится, дружище?

Доминика вставала из-за стола, чтобы принести ему порошки.

– Если через три-четыре дня тебе не станет лучше, я позвоню доктору Боссону.

Доктор жил через два дома от них, и они часто видели, как он шел со своим старым саквояжем в руках, таким тяжелым, что одно плечо у него казалось намного ниже другого. Пышные, черные с проседью усы делали его похожим на пуделя, а осматривая больного, он все время ворчал.

Доктор очень любил семью Кальмара, в особенности Жозе, которую знал с рождения. А может быть, он любил всех своих пациентов?

Жюстену совсем не хотелось, чтобы его осматривал доктор, но пока жена еще не слишком насаждает на него, он успеет обрести душевное равновесие. Ему стало легче. Он уже мог более или менее спокойно, без особого страха поразмыслить о будущем, решить, что надо и чего не надо делать, что можно и чего нельзя говорить.

Не отстал от других и месье Боделен. Во вторник он влетел в кабинет Кальмара:

– Смотри-ка! Уже вернулся!

Будто он не знал, будто не сам требовал, чтобы Жюстен приступил к работе в понедельник днем!

– Не видно, чтобы отдых пошел вам на пользу. По правде говоря, отпуск никому еще на пользу не шел. Мчаться по дорогам, обгоняя грузовики, ночевать в какой-нибудь грязной дыре, жрать всякую дрянь, считая ее вкусной только потому, что это не дома. Потом торчать на пляже, рискуя схватить солнечный удар, ссориться с женой, орать на детей – и, вернувшись, отдохнуть наконец на работе! Отдыхайте же, мой друг! У вас для этого достаточно времени. Что касается меня, то я не ездил в отпуск и, надеюсь, никогда не поеду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.